

M. P. [Signature]

М.Е. САДЫКОВ-ЩЕДРИН

К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ

*Статьи
и материалы*

Издательство
«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»
Ленинград
1939

10 мая 1939 года исполнилось 50 лет со времени смерти гениального сатирика Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина. Имя его по праву занимает почетное место в ряду тех великих имен, которые составляют гордость советского народа. Салтыков решительно порвал со своим классом, безоговорочно стал на сторону народа и в замечательных произведениях дал художественные обобщения действительности с наиболее передовых позиций своего времени, с позиций революционной демократии 60-х годов. По силе ненависти к дворянско-крепостническому обществу, к миру рабства и угнетения — в русской литературе не было писателя, равного Щедрину. Со страстью разоблачал и бичевал великий сатирик двоедушие и лицемерие, лживость и подлость Иудушек Головлевых, Подхалимовых и Балалайкиных, Колупаевых и Разуваевых. Ненависть к угнетателям народа соединялась у Щедрина с горячей верой в победу справедливости и разума. Он мечтал о таком общественном строе, который преобразует человека и освободит его «от тех посрамлений,

которые не ожил на нем века подъяремной неволи».

Революционность щедринской сатиры сказана в том, что она сыграла огромную роль в борьбе революционного рабочего класса с его врагами — кадетами, либералами, меньшевиками, ликвидаторами, троцкистами и т. д. Ленин пользовался образами Щедрина и цитатами из его произведений, начиная с самых первых своих работ.

Щедрин был одним из таких великих деятелей прошлого, которые способствовали падению старого мира и подготовке пролетарской социалистической революции. Но только революция раскрыла во всей полноте политическое содержание щедринской сатиры и его художественный гений. Щедрин в наше время является помощником в деле строительства социалистического общества, в борьбе с врагами социализма. Громадное значение получила щедринская сатира по отношению к фашистскому мракобесию буржуазного мира. В историческом докладе на Чрезвычайном VIII Съезде Советов тов. Сталин замечательно продемонстрировал силу щедринской сатиры, применив образ «ретивого начальника» к современным фашистским правителям.

Щедрин был суровым реалистом и практиком, но он еще не знал и не мог видеть тех реальных путей, по которым пойдет освобождение

ние народа от рабства и угнетения. В этом была трагедия писателя, все думы и помыслы которого были обращены к народу. «Но знает ли русский народ о Тургеневе? знает ли он о Пушкине, о Гоголе? знает ли о тех легионах менее знаменитых тружеников, которых сердца истекают кровью ради него?» Этим вопросом заканчивался некролог Тургенева, написанный Щедриным. Пролетарская социалистическая революция разрешила и этот вопрос великого сатирика. Щедрин проклинал и ненавидел врагов народа, потому что «сердце его истекало кровью ради народа». И народ ответил ему признанием — в наши дни слава Щедрина становится всенародной славой.

Я родился 15 января 1826 г. в Тверской губернии, Калязинского уезда, в селе Спас-Угол. Десяти лет поступил в Московский дворянский институт, а оттуда в 1838 году был переведен в Царскосельский лицей. Там я начал писать стихи, за которые был часто наказываем; там же начал и печатать их. Сколько помнится, первое мое напечатанное стихотворение «Лира» было помещено в «Библиотеке для Чтения» 1841 или 42 года; затем я печатал стихи в «Современнике» Плетнева. После выхода из лицея (в 1844 г.) стихов больше не писал. Затем служил и писал, писал и служил вплоть до 1848 г., когда был сослан на службу в Вятку за повесть «Запутанное дело». Прожил там почти 8 лет и служил, но не писал. В 1856 г. возобновил литературную деятельность «Губернскими очерками» и вплоть до 1868 писал и служил, служил и писал. В 1868 году совсем

оставил службу и исключительно отдался литературе. Написал 22 названия книг. В настоящее время, одержимый жестоким недугом, ожидаю смерти.

21 сентября 1887 г.

М. Салтыков

**ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА**

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КАНВА

Составил В. Евгеньев-Максимов

1826

Января 15. В селе Спас-Угол, Калязинского уезда, Тверской губ., у местных помещиков, коллежского советника Евграфа Васильевича и жены его Ольги Михайловны Салтыковых, родился сын Михаил.

1832

Октября 16. С. преподносит своим родителям поздравительные, собственноручно им переписанные стихи на французском языке.

1833

Января 15. С. начал учиться русской грамоте у крепостного человека, живописца Павла.

1834

Января 15. Обучение С. переходит в руки старшей сестры его Надежды Евграфовны, окончившей московский Екатерининский институт.

1836

Август. С. поступает в III класс Московского дворянского института, только что преобразованного из университетского пансиона.

1838

С. переводится в Царскосельский лицей.

1841

Март. Появляется в печати («Библиотека для чтения», т. 45, стр. 105—106) стихотворение С. «Л и р а».

1844

С. окончил курс лицея с чином X класса и поступил на службу в канцелярию военного министерства.

1845

Сближение с Петрашевским и петрашевцами. Увлечение утопическим социализмом.

1847

Ноябрь. В «Отечественных Записках» (№ 11) появляется первая прозаическая вещь С., повесть «П р о т и в о р е ч и я», подписанная «М. Непанов».

1848

Март. В «Отечественных Записках» (№ 3) появляется повесть С. «З а п у т а н н о е д е л о».

Апреля 26. С. посажен на гауптвахту, так как в его повестях усмотрены «вредный образ мыслей и пагубное стремление к распространению идей, потрясших уже всю Западную Европу и ниспровергших власти и общественное спокойствие».

Апреля 28. В 9 час. вечера С. отправлен, по высочайшему повелению, в сопровождении штабс-капитана петербургского жандармского дивизиона Рашкевича, в Вятку.

Мая 7. С. доставлен в Вятку.

Июля 3. С. зачислен в Вятское губернское правление канцелярским чиновником.

Ноября 12. Назначен старшим чиновником особых поручений при вятском губернаторе (однако без содержания).

Март. Родители С. возбуждают ходатайство о прощении их сына. Отклонено.

Августа 30. С. привлекается к дознанию по делу «петрашевцев».

Сентябрь. От С. отбираются ответы на присланные Дуббельтом вопросы о знакомстве его с Петрашевским и петрашевцами.

Августа 21. Мать возбуждает ходатайство о прощении. Отклонено.

Октября 28. С. ходатайствует о разрешении «служить в губернии, не ограничиваясь Вятскою». Отклонено.

Мая 20. Командирован для обревизования земского суда в гор. Нолинск.

Ноября 6. Командирован в Трушниковскую волость Слободского уезда для принятия мер к прекращению крестьянских беспорядков; в составленной служебной записке по этому делу С. энергично защищает экономические интересы крестьян.

Январь. С. получил отпуск на 4 месяца в Ярославскую, Тверскую и Московскую губернии «для устройства домашних дел по случаю смерти отца».

Ноября 13. По докладу нового министра внутренних дел С. С. Ланского С. получает высочайшее разрешение «проживать и служить, где пожелает».

Ноябрь. Отъезд из Вятки.

1856

Февраля 12. С. назначен чиновником особых поручений по министерству внутренних дел.

Июля 6. Женитьба на Елизавете Аполлоновне Болтиной.

В «Русском Вестнике» (с августа по декабрь) печатаются «Губернские очерки», подписанные псевдонимом С. «Н. Щедрин».

1857

В течение года в «Русском Вестнике» печатаются новые рассказы цикла «Губернских очерков»; в «Современнике» (№ 10) напечатан рассказ «Жених».

Двумя отдельными изданиями вышли «Губернские очерки».

1858

Марта 6. С. назначен рязанским вице-губернатором. В течение года несколько раз замещает губернатора в деле управления губернией. Сотрудничает в различных журналах.

1859

В течение года пять раз исправлял должность губернатора.

В «Современнике» (№ 2) напечатан рассказ «Равеселое житье».

1860

Весна. С. вызван в Петербург ввиду столкновений его с губернатором.

Апреля 3. Назначен тверским вице-губернатором. С этого года становится постоянным сотрудником «Современника» и печатает в этом журнале ряд рассказов.

1861

Несколько раз, иногда в течение двух-трех месяцев подряд, исправляет обязанности тверского губернатора. В «Современнике» напечатал ряд рассказов; кроме того, поместил ряд небольших статей в «Московских Ведомостях».

1862

Февраля 9. Уволен по болезни, согласно прошению, от службы (первая отставка Салтыкова).

Апрель. Переезжает из Твери в Москву и возбуждает ходатайство о разрешении ему (вместе с Унковским и Головачовым) издавать журнал «Русскую правду». Ходатайство это не было удовлетворено.

Запрещение цензурой предназначенных для «Современника» очерков «Глуповское распутство», «Глупов и глуповцы», «Каплуны».

Декабрь. Становится ближайшим сотрудником и одним из редакторов «Современника».

1863

В качестве ближайшего сотрудника и соредатора Некрасова по «Современнику» проявляет изумительную работоспособность и плодовитость: в журнале печатаются в течение как этого, так и следующего года десятки его статей, в том числе рассказ «Миша и Ваня».

1864

Выходят отдельными изданиями «Сатиры в прозе» и «Невинные рассказы».

Ноября 6. Назначен председателем Пензенской казенной палаты.

1865

Январь. Переезжает на жительство в Пензу. Поглощенный служебными обязанностями, С. отходит от

литературной деятельности и не печатает в этом году ни одного произведения.

1866

Ноября 2. Назначен управляющим Тульской казенной палатой.

Напечатал в «Современнике» (№ 1) только очерк «Завещание моим детям».

1867

Октябрь. Назначен управляющим Рязанской казенной палатой.

Декабрь. Предпринимает «странствование по губернии» со служебными целями.

За весь год не печатает ничего.

1868

Июня 14. Уволен, согласно прошению, от службы (вторая отставка Салтыкова).

Осень. Переехав в Петербург, становится соредактором Некрасова по «Отечественным Запискам». Цензура обвиняет «Отечественные Записки» в «сродстве» с запрещенным «Современником», ссылаясь в подтверждение на содержание печатаемых в них произведений С.

В течение этого года интенсивно сотрудничает в «Отечественных Записках».

1869

В этом году печатает в «Отечественных Записках» начало «Истории одного города», «Господ Ташкентцев», а также несколько «Сказок» (в том числе «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил»).

Отдельным изданием выходят «Признаки времени» и «Письма из провинции».

1870

Ноября 22. С. избирается кандидатом в члены Литературного фонда.

Отдельным изданием выходит «История одного города».

1871

Февраля 2. С. избирается членом комитета Литературного фонда сроком по 2 февраля 1874 г.; в качестве члена комитета С. несколько раз возбуждает вопрос об оказании помощи нуждающимся литераторам (например, Благовещенскому), посещая некоторых из них на дому (например, Гомулецкого).

Октябрь. III Отделение собственной его имп. величества канцелярии, согласно распоряжению Александра II, обращает внимание министра внутренних дел на статьи Салтыкова и Михайловского по делу Нечаева, напечатанные в № 9 «Отечественных Записок».

1872

Февраля 1. У Салтыкова родился сын Константин.

Июнь и последующие месяцы С. проводит в Витеневе.

Июля 19. Объявлено первое предостережение «Отечественным Запискам», одной из главных, хотя и негласных причин которого послужила VI глава «Дневника провинциала» (в № 6).

Кроме «Дневника провинциала» в этом году в «Отечественных Записках» печатаются «Господа Ташкентцы» и «Благонамеренные речи».

1873

Января 16. У С. родилась дочь Елизавета.

Отдельными изданиями выходят: «Помпадур и помпадурши» и «Господа Ташкентцы».

Января 1. Возобновлено условие по изданию «Отечественных Записок» между С., Некрасовым и Елисеевым.

Мая 17. Арестован № 5 «Отечественных Записок» ввиду «предосудительности» помещенных в нем статей С. (9-я гл. «Благонамеренных речей»), Успенского, Михайловского и Кроткова.

Декабрь. Смерть матери С. и вызванная ею поездка С. на похороны в Тверскую губернию, во время которой он сильно простудился.

Февраль. Обострение болезни С., вследствие которой он должен был лечь в постель.

Апреля 12. С. выезжает за границу лечиться.

Апрель — август. Пребывание С. в Баден-Бадене.

Сентября 5. С. приезжает в Париж.

В этом же месяце цензура вырезывает IV главу «Экскурсий в область умеренности и аккуратности» из № 9 «Отечественных Записок».

Октябрь (середина). С. присутствует в Буживале у Тургенева на чтении комедии гр. В. А. Соллогуба, изображающей нигилиста-вора, и в такой мере возмущается ее содержанием, что с ним «сделалось что-то вроде истерики».

Октября 20. Уезжает из Парижа в Ниццу через Лион и Марсель.

Октября 27. Приехал в Ниццу, где и оставался до апреля следующего года.

Декабрь. В письмах к друзьям создает антимонархическую сатиру «Переписка Николая I с Поль-де-Коком».

Несмотря на болезнь, в течение всего года сотрудничал в «Отечественных Записках».

1876

Мая 31. Возвращается в Россию; лето проводит в Витеневе.

Отдельным изданием в двух томах выходят «**Благонамеренные речи**».

1877

Февраля 2. Избран товарищем председателя Литературного фонда. В этом же месяце цензура вырезала в № 2 «Отечественных Записок» рассказ С. «**Чужую беду — руками разведу**».

1878

Февраль. Цензура вырезала в № 2 «Отечественных Записок» IV главу «Современной идилии», усмотрев в ней «возмутительно дерзкое глумление над происхождением нашего государства».

Марта 27. Министр внутренних дел, по докладу начальника главного управления В. В. Григорьева, утверждает С. ответственным редактором «Отечественных Записок» (взамен скончавшегося Некрасова).

Апреля 8. Заключение договора с собственником «Отечественных Записок» А. А. Краевским об издании журнала.

В этом году отдельными изданиями вышли «Сказки и рассказы», «В среде умеренности и аккуратности» и «Избранные сочинения Щедрина» (в изд. «Русской Библиотеки», т. VIII), снабженные просмотренной самим автором биографией его.

1879

Февраля 14. Первое ¹ предостережение «Отечественным Запискам» за «Внутреннее обозрение», помещенное в № 1.

¹ После взятия русскими войсками Плевны ранее данные предостережения были аннулированы, а потому это предостережение, в действительности второе, было объявлено как первое.

Сентября 14. Подвергается цензурным купюрам «Убежище Монрепо» и исключению первая половина статьи «1-е июня — 1-е июля» цикла «Круглый год» в № 9 «Отечественных Записок».

Ноября 17. Цензура вырезала из № 11 «Отечественных Записок» очерк «В добрый час».

Декабрь. В городе распространяются слухи о запрещении «Отечественных Записок». Отдельным изданием выходит «Убежище Монрепо».

1880

Февраля 2. С. избран в члены комитета Литературного фонда.

Февраля 16. Цензура исключает рассказ С. «Черок» из № 2 «Отечественных Записок».

Мая 28. С. принимает участие в организации при Литературном фонде Пушкинского капитала в связи с открытием памятника Пушкину.

Июня 10. С. поддерживает просьбу Е. С. Гаршиной об оказании помощи на лечение за границей ее сына Всеволода, находившегося в это время в психиатрической лечебнице в Харькове.

Июня 28. С. уезжает за границу.

Сентябрь. Возвращение в Россию.

Восьмилетний сын С. — Константин — избирается, по заявлению отца, в члены Литературного фонда.

В «Отечественных Записках» заканчивается Головлевская хроника (№ 5) и начинается печататься цикл «За рубежом» (№№ 9—11).

Отдельными изданиями выходят: «Круглый год» и «Господа Головлевы».

1881

Январь. Успешное завершение хлопот у начальника Главного управления по делам печати Н. С. Абазы о разрешении напечатать в «Отечественных

Записках» «Пир на весь мир» Некрасова (последняя часть поэмы «Кому на Руси жить хорошо»).

Июнь. Приезд С. в Висбаден (немецкий курорт).

Июль. С. получает от гр. М. Т. Лорис-Меликова сведения об образовании шпионского и террористического тайного общества «Священная дружина».

Августа 19. С. выезжает из Висбадена в Париж.

Августа 31. В Москве небольшим кружком литераторов, художников и актеров было отпраздновано двадцатипятилетие литературной деятельности С. (считая с начала печатания «Губернских очерков»), причем был образован денежный фонд для открытия школы его имени.

Сентября 22. С. возвращается в Петербург.

Октября 2. Цензура вырезывает из № 9 «Отечественных Записок» третье «Письмо к тетеньке».

Отдельными изданиями выходят: «За рубежом», «Сборник рассказов, очерков и сказок» и др.

1882

Июнь—август. Пребывание С. на даче в Ораниенбауме.

Осень. Студенты С.-Петербургского университета просят С. заклеить ведущуюся в их среде контрреволюционную пропаганду агентами «Священной дружины».

Октября 2. Директор департамента полиции В. К. Плеве возбуждает вопрос о XXII главе «Современной идиллии» (№ 9 «Отечественных Записок»), в которой он усмотрел «оскорбление величества».

Отдельным изданием выходят «Письма к тетеньке».

1883

Января 1. Соредактор С. по «Отечественным Запискам» Н. К. Михайловский выслан из Петербурга

за речь, сказанную на вечеринке студентов Технологического института.

Января 22. «Отечественным Запискам» объявлено второе предостережение за стремление «выставить в ненавистном свете общественный, гражданский и экономический строй» и за симпатии «к крайним социалистическим доктринам» (в тексте предостережения была названа статья Н. Николадзе, но из архивных дел Главного управления по делам печати явствует, что главным основанием для предостережения послужила XXII гл. «Современной идиллии»).

Апреля 28. Обед по случаю тридцатипятилетия литературной деятельности С. (считая с 1848 г. — года ссылки С. в Вятку).

Май. В городе распространяются слухи о высылке С.

Июль. Отъезд С. за границу и пребывание его в Кларане.

Август (середина). Приезд С. в Париж.

Октября 20. Возобновление договора с Краевским по изданию «Отечественных Записок» еще на два года, то есть до 1 января 1886 г.

Отдельным изданием выходит «Современная идиллия».

1884

Января 1. Арест С. Н. Кривенко, одного из помощников С. по ведению «Отечественных Записок» в это время.

Февраль. Цензура вырезала из № 2 «Отечественных Записок» четыре сказки: «Добродетели и пороки», «Медведь на воеводстве», «Обманщик, газетчик и легковёрный читатель» и «Вяленая вобла».

Марта 8. Объяснение С. с начальником Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистовым.

Апреля 20. В «Правительственном Вестнике» появляется распоряжение совещания четырех министров об окончательном запрещении «Отечественных Записок», мотивированное причастностью членов редакции и сотрудников журнала к революционной деятельности и появлением произведений редактора (то есть Салтыкова) в нелегальной печати.

Апреля 24. Настояния С. оказать материальную поддержку оставшимся без заработка сотрудникам «Отечественных Записок» ведут к столкновению его с издателем журнала А. А. Краевским.

Июнь и последующие летние месяцы С. проводит на даче на ст. Сиверской.

Июля 23. Окончание ликвидации «Отечественных Записок».

Ноября 1. Начало сотрудничества С. в «Вестнике Европы».

Декабря 25. Начало сотрудничества С. в «Русских Ведомостях».

В «Вестнике Европы» (№№ 11, 12) начали печататься «Пестрые письма»; в «Русских Ведомостях» была напечатана сказка «Чижигово горе».

Отдельным изданием вышли: «Недоконченные беседы» («Между делом») и «Пошехонские рассказы»).

1885

Апреля 30. Избрание С. почетным членом Общества любителей российской словесности.

Мая 23. Семья уезжает за границу.

Июнь (середина). С. приезжает в Висбаден, где лечится около двух месяцев на попечении доктора Белоголового.

Август (середина) Отъезд из Висбадена и возвращение в Петербург.

Декабрь. Сильное обострение болезни С.

1886

Июнь и последующие летние месяцы С. проводит на даче в Финляндии, в Новой Кирке.

Август (конец). Возвращение в Петербург.

Ноября 8. Посещение С. студенческой делегацией, в составе которой находились брат и сестра В. И. Ленина (Александр и Анна Ульяновы).

В «Вестнике Европы» начинают печататься «Мелочи жизни» (№№ 11 и 12).

Отдельным изданием выходят: «Двадцать три сказки» и «Пестрые письма».

1887

Мая 20. С. переезжает на дачу на ст. Серебрянку (по Варшавской железной дороге).

Августа 28. Возвращение в Петербург.

В «Вестнике Европы» начинает печататься «Пошехонская старина» (№№ 10—12).

Отдельным изданием выходят «Мелочи жизни» в двух томах.

1888

Июня 6—7. Переезд на дачу на ст. Преображенскую.

Август. Возвращение в Петербург.

В «Вестнике Европы» продолжается «Пошехонская старина» (№№ 4, 5, 9—12); в «Русской Старине» (№ 11) напечатана заметка о Буташевиче-Петрашевском.

1889

Января 28. Окончание «Пошехонской старины».

Апрель (середина). Выход в свет первого тома «Собрания сочинений» С. в издании автора.

Письмо-завещание сыну: «паче всего люби русскую литературу и звание литератора предпочитай всякому другому».

Апреля 26. Около трех часов пополудни С. лишился употребления языка и правой руки и впал в бессознательное состояние.

Апреля 28. Кончина С.

Мая 2. Похороны С., принявшие характер общественной демонстрации, с участием революционной молодежи и рабочих петербургских заводов.

В «Вестнике Европы» заканчивается «Пошехонская старина» (№№ 1—3).

Вас. Гиппиус

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Творческий путь свой М. Е. Салтыков начал стихами, которые писал, как сам вспоминал, «запоем». Четырнадцатилетним мальчиком он напечатал первое стихотворение, продолжал печатать стихи и дальше. В начале 40-х годов стихи эти, в которых варьировались мотивы Лермонтова и др. поэтов, были не самостоятельны и мало связаны с его дальнейшим творчеством. Но уже первые повести Салтыкова, написанные в 1847—1849 годах, заметно выделяются в общем литературном движении 40-х годов. Молодой Салтыков включился в замечательную плеяду писателей «натуральной школы», стремившейся на основе гоголевского реализма изобразить «физиологию» современного общества и, в первую очередь, «бедных людей»—социальных низов. Салтыков делается соратником Некрасова, Герцена, Тургенева, Достоевского, Гончарова, Григоровича.

Уже в первых своих повестях он не ограничивается ни эмпирическим бытописанием, ни

психологизацией; повести его художественно еще несколько бледны, но всегда проблемно остры. В первой из них — в «Противоречиях» (1847) — он примыкает к Герцену, подхватывая даже буквально его тему «кто виноват?». «Противоречия» судьбы бедняка-учителя «на кондиции» не только в том, что социальная действительность не дает ему счастья с любимой девушкой, но и в том, что он бессилён «сказать свое слово в общем вековом труде человечества». Еще острее «Запутанное дело» — повесть, герой которой Мичулин переживает всю тяжесть борьбы за существование, но переживает не пассивно, как гоголевский Башмачкин, и даже не в настроениях бесформенно-протестующего смятения, как Девушкин Достоевского, а с очень острым, хотя и безнадежным пониманием социальных противоречий. Отсюда — жуткий образ социальной «пирамиды», раздавившей бедняков и с ними самого Мичулина, образ, прямо перенесенный из Сен-Симона. Идеями утопического социализма, идеями кружка Петрашевского, была проникнута вся повесть. Характерно, что Плетнев, вдохновитель и защитник гоголевской «Переписки с друзьями», ужаснулся, заподозрев в повести проповедь «необходимости гильотины для богатых и знатных»; не случайно встревожились и власти (и без того настороженные в этот год европейских революций). Салтыков был сослан

в Вятку. Там написана им третья повесть «Брусин», развивающая ту же тему — «кто виноват?» и те же мотивы «противоречий». Кто виноват, что душевные силы молодого энтузиаста Брусина нашли приложение только в нелепой «любовишке»? Один из собеседников иронически отвечает на это: виноватых надо искать скорее «в воздухе», чем в самом человеке. Но Салтыков, независимо от этих теоретических ответов, показал в повестях своих и личную психологию, слагающуюся в «воздухе» общественной жизни. В первых его опытах намечены темы, которые будут развиты Тургеневым и Достоевским (тема «трусости» в «Противоречиях» и в «Рудине»; мотив оскорбления любящей женщины деньгами — в «Брусине» и в «Записках из подполья»).

Салтыкову нужно было всмотреться в «болото» русской провинции (так сам он ее называл), чтобы создать произведение большого масштаба, насыщенное разнообразным жизненным материалом. Он сделал это в «Губернских очерках», с которых начинается и его писательская слава и непрерывная активная его деятельность в литературе. За семь лет (1848—1855) вятской ссылки и подневольной чиновничьей службы Салтыков не только обогатился множеством наблюдений, но вероятно начал и работу над своим первым циклом. Русская жизнь отразилась здесь с небывалой еще широтой охвата — от губер-

ской гостиной до избы и острога — и отразилась, по несколько позднеjšíму выражению автора, «будничными, горькими, режущими глаза сторонами». В изображении «тины мелочей, опутавших нашу жизнь», Салтыков (с этих пор выступающий под псевдонимом Н. Щедрин) был учеником и продолжателем Гоголя, но он показывал уже не обобщенный гоголевский город, куда «собрано в одну кучу все дурное», а конкретный и в то же время показательный «Крутогорск» (сначала он хотел назвать место своей ссылки резче и злее — «Свиногорск»). Город, герои, их поступки неотделимы здесь от совершенно конкретных условий данного исторического момента, данной социальной среды. Перед читателем проходит галерея «живоглотов» (слово, сразу вошедшее в язык), цинических «озорников» - чиновников, безнадежно вырождающихся «талантливых натур» из дворян, хищников-купцов, многострадальных «странников и проезжих» из народа, наконец — темный и сложный мир русского раскола. Это была изнанка той парадной императорской России, которую в те же годы в Крыму обстреливали пушки внешних врагов, которая в 1856 году — в год выхода книги Щедрина — потерпела решительное поражение. История вступала в новую фазу, и здесь легко могла возникнуть иллюзия, что «прошлые времена» умерли и не воскреснут,

Этой иллюзии поддался и Щедрин, заключивший «Губернские очерки» картиной погребения «прошлых времен». Но иллюзии эти не могли быть длительными, против них говорил самый материал щедринской книги: если спившийся Лузгин умирал в своей усадьбе естественной смертью, то ни Фейеры, ни Порфирии Петровичи, ни Хрептюгины не собирались ни умирать, ни даже сдаваться. Вот почему и распался замысел задуманной Щедриным после «Губернских очерков» «Книги об умирающих».

На самом деле «Губернские очерки» заключали в себе не успокоительную, а революционизирующую силу. Вот как вспоминает писательница В. И. Дмитриева о первом впечатлении от «Губернских очерков»:

«Сначала показалось скучновато. . . Но чем дальше, тем больше я втягивалась в жизнь города Крутогорска, и, наконец, передо мною развернулась такая потрясающая картина нашего общего российского бытия, что уже не смутная тоска, а ужас и злость переполнили мою душу. Сразу как-то определилось, оформилось и приобрело реальную установку всегда жившее во мне чувство глухого протеста. . . сам собою явился прямой и жестокий вывод: вся Россия такая, везде гадость, мерзость, насилие, несправедливость. Наверху кишат Порфирии Петровичи, Хрептюгины, Налетовы, хищники, взя-

точники, убийцы, подлые, жадные, наглые... А внизу—забитая, несчастная крестьянская масса, которую приравнивают к стаду, грабят, бьют, презирают, лишают всяких человеческих прав»...

Этой революционизирующей силы были совершенно лишены очерки рядовых «обличителей» предреформенной поры, забытых теперь Селивановых и Елагиных, которые с большой обстоятельностью, но и с крайней политической близорукостью изображали технику взяточничества и перипетии судебных следствий. Салтыков уже в эти годы был и зорче и тоньше, хотя художественное дарование его еще не развернулось в полной мере. Уже в «Губернских очерках» он определился как сатирик. Сатирическое же мастерство его естественно росло тем интенсивнее, чем более развивалось и прояснялось его общественно-политическое мировоззрение, а развивалось оно в направлении все большего, все теснейшего сближения с позициями революционных демократов. Если в 1857 году Салтыков признавался, что «сильно гнет в сторону славянофилов», если в 1860—1861 годы пытался в своих газетных статьях перевоспитать российских дворян, убедить их, что «истинные интересы дворянства» — в сближении всех сословий, то в творчестве его значение этих иллюзий было минимально. Самые же иллюзии объяснялись прежде всего поисками реальных форм,

которые обеспечили бы интересы крестьянства на новом историческом этапе. Исключительная трезвость, свойственная Салтыкову-Щедрину на всем протяжении его писательского пути, сказалась и в его отношении к реформам 60-х годов. В сатире Щедрина 60-х годов не только нет никаких отзвуков темы: «прошлые времена хоронят», но, наоборот, она беспощадно и неуклонно разоблачает в новом — старое, в псевдо-либеральном — глубоко-революционное, в пореформенных условиях — упорные и очень живучие остатки недавнего крепостничества.

Он показывает некоторых своих старых крутогорских героев в новых условиях; но чем острее становится историческая ситуация, тем бóльшая возникает в его творчестве потребность в обобщенном образе. И вот накануне реформы, в очерке начала 1861 года «Литераторы-обыватели» впервые появляется образ города Глупова, которому предстояла такая огромная роль в истории русской литературы. Сначала это, впрочем, только один из русских городов наряду с Дурацким Городищем и Полоумновым; кроме выразительности названия ни один из них не отличается по существу от Крутогорска-Свиногорска. Но в очерках, написанных уже после 19 февраля (впоследствии бóльшая часть их была включена в цикл «Сатиры в прозе»), появляется Глупов

как обобщение, полное горького смысла, как образ всей самодержавной помещичьей России. Намечается не только география Глупова (реки Большая и Малая Глуповицы и т. п.), но и его легендарная история: правление Юпитера-громовержца и Минервы-богини (очевидные псевдонимы Петра и Екатерины); раскрывается наконец и глуповская социология: глуповцы делятся на старших и меньших, или, как говорится в почти одновременном очерке «Глупов и глуповцы», — на Сидорычей и Иванушек. Сидорычи происходят от коллежских асессоров. Иванушки — «ни от кого не происходят» или, как доказывают глуповские академики, «происходят от сырости». Хищники и эксплуататоры Сидорычи когда-то «забавлялись медвежьими травлями и петушиными боями, но постепенно это зрелище надоело. . . место медведей и петухов заступили Иванушки».

Если в «Губернских очерках» Щедрин выступил как сатирик-аналитик, в «Сатирах в прозе» он дал вместе с анализом замечательные образцы сатирического синтеза. Он остается и здесь последовательным реалистом, но в общий реалистический метод теперь органически включены приемы шаржа и гротеска. Так, о голове старого глуповца сказано, что она «представляла собою плотную роговую оболочку, сквозь которую трудно было даже с молотком про-

браться», голова нового глуповца, напротив, «на свет прозрачна и при малейшем щелчке звенит, как серебро». Здесь уже явно намечены сатирические приемы «Истории одного города», где появится фаршированная голова и голова с органчиком.

«Иванушки» — трудовые массы, угнетенное и придавленное крестьянство — вот что больше всего тревожит писателя, наблюдающего город Глупов на историческом переломе. Накануне реформы написан очерк «Скрежет зубовный», завершённый сном о близком торжестве Иванушек. Идиллии нет и здесь. Сатирик предвидит генерала Зубатова в роли Иванушкина дядьки, предвидит Иванушкины сомнения, но предвидит и решение его — начать «судить да рядить». В сатире 1862 года «Глуповское распутство» новые отношения между помещиками и «освобожденными» крестьянами изображены еще трезвее и резче: сначала в виде аллегорического, но вполне реалистического рассказа о том, как барыня Любовь Александровна Петрушку до себя возвысила, а он над ней волю взял; потом — при помощи уже испытанных образов Сидорычей и Иванушек.

Сатирику ясно, что старый Глупов гибнет, что Иванушки в его истории сыграют ту же роль, какую «пастьухов сын» Генсерих сыграл в истории Римской Империи. И он требует от старых,

М. Е. Салтыков-Щедрин
(Акварель неизвестного художника 50-х годов)

глуповцев одного: «не виляй хвостом и не оттопыривай губы для поцелуев, дабы тем не опротиветь Иванушкам окончательно». Резкой чертой отмежевался Щедрин от наивного, а чаще лицемерного либерализма.

Как помочь «Иванушкам» — «спеленутым и придавленным» массам? В личной жизни Салтыков пытался решить этот вопрос и до реформы и в течение целого года после реформы на путях непосредственного участия в государственном аппарате: с 1858 до начала 1862 года Салтыков — вице-губернатор в Рязани, затем в Твери. В меру возможного Салтыков на своем посту энергично боролся и с местными помпадурками и с местными Сидорычами. Но результаты этой — в конце концов донкихотской — борьбы были предрепены. Еще в 1860 году Салтыков писал Анненкову из Твери: «тупоумие здешних властей по крестьянскому делу столь изумительно, что нельзя быть без отвращения свидетелем того, что делается. . .» В феврале 1862 года Салтыков вышел в отставку, а в 1863 году вступил в редакцию «Современника». Он деятельно работал в этом журнале в течение 1863—1864 годов, поддерживая традиции покойного Добролюбова и насильственно вырванного из литературы Чернышевского.

На тот же самый вопрос, что нужно для масс, Салтыков-Щедрин отвечал и как писатель:

«массы сами желают устроить свою жизнь, — говорил он в очерке «Каплуны» 1862 года (запрещенном, как и «Глуповское распутство», цензурой) — и до поры до времени требуют от нас одного: отгоняйте тех, которые мешают им, а паче всего не мешайте им сами. Они требуют от вас деятельности чисто отрицательной. . .» Эту «отрицательную» деятельность и осуществлял Щедрин на страницах «Современника», продолжая разоблачение помещичье-бюрократической России, начатое им еще в «Губернских очерках», но продолжая его с гораздо большей последовательностью и принципиальностью. Реакцию в ее разнообразных проявлениях, включая в них и самодовольный либерализм, Щедрин преследует и обличает в своих хрониках («Наша общественная жизнь»), фельетонах, рецензиях на новые книги. К этому времени относятся и первые очерки знаменитого цикла «Помпадур и помпадурши», иронически озаглавленные строками популярных песен и романсов: «Здравствуй, милая, хорошая моя» (тема — приезд нового губернатора), «Прощаюсь, ангел мой, с тобою» (отъезд старого), «На заре ты ее не буди» (уроки «дипломатии», которые правитель канцелярии дает губернатору во время дворянских выборов), «Она еще едва умеет лепетать» (безудержное пустословие того же губернатора Козелкова, разразив-

шегося в финале выразительным возгласом: «Разорю!»).

Новый щедринский цикл пытались не раз свести к безобидной насмешке над помпадуррами и над их безобидными романами с «помпадуршами». Но значение даже первых очерков цикла далеко выходило за эти пределы. Уже здесь применил Щедрин один из самых эффективных приемов своего сатирического метода: стирание границ между различными оттенками общественной реакции, выявление единой реакционной сущности при формально различной номенклатуре и фразеологии. В губернии, которую возглавляет Козелков, две главные партии — «консерваторы» и «красные»; каждая из них делится еще на три — всего шесть партий! Однако разница между ними, как оказывается, только в том, что консерваторы говорят: «шествуй вперед, но по временам мужайся и отдыхай», а красные возражают: «отдыхай, но по временам мужайся и шествуй вперед!» Так сатирические реформы Щедрина помогали изучению врагов и разрушению иллюзий. И далеко не безобидны эти «шествующие вперед» помпадурры; недаром уже здесь возникает знаменитое щедринское «Разорю!», перешедшее затем к одному из градоначальников города Глупова. А это лишь один из многих примеров, показывающих, что грандиозное обобщение «Истории од-

ного города» выросло из конкретной щедринской сатиры 60-х годов и, в частности, из цикла о помпадурках.

Прежде, однако, чем это обобщение завершилось, сатирику нужно было подвести итоги первого пореформенного периода. Это и было сделано Щедриным в его новом сатирическом цикле уже в 1868 году — «Признаки времени» (к ним примыкают и «Письма о провинции»).

«Признаки времени» написаны после четырехлетнего перерыва в литературной деятельности, после нового опыта службы в провинции, на этот раз в менее ответственной роли — председателя казенной палаты. В 1868 году он вновь — и на этот раз навсегда — вернулся в литературу, сосредоточившись на ней одной. Вместе с Некрасовым он стал во главе обновленных «Отечественных Записок».

В «Признаках времени» выделяется сатирическая тема живучести крепостного права («Оно живет в нашем темпераменте, в нашем образе мыслей, в наших обычаях, в наших поступках»). Щедрин вызвал настоящую бурю негодования среди российских либералов своими «Признаками времени», особенно же очерком «Новый Нарцисс или влюбленный в себя», и именно тем, что осмелился высмеять новые земские учреждения с их «пререканиями о выеденном яйце», с их самодовольным культом малых дел («луже-

ние больничных рукомойников»), которыми прикрывалась глубокая реакционность этих помещичьих «сеятелей» прогресса. Образ «Нового Нарциза» — пустослова из мнимых «сеятелей» — хорошо помнил Ленин, часто пользуясь именем Нарциза как нарицательным. Уже к «Сатирам в прозе» (и к одновременно продолжающемуся циклу о помпадурах) всецело относятся слова Ленина: «Еще Некрасов и Салтыков учили русское общество различать под приглаженной и напомаженной внешностью образованности крепостника-помещика его хищные интересы, учили ненавидеть лицемерие и бездушные подобных типов». Этой задаче разоблачения крепостнической сущности под разнообразными масками Салтыков-Щедрин был верен до самого конца своего писательского пути. Пока еще он видит в хищничестве только наследие крепостного права. Для данного исторического периода это и было самым существенным. Впоследствии с наименьшей сатирической силой разоблачает Щедрин и хищничество новой формации.

Как и в глуховском цикле, Щедрин не отказывается и здесь от приемов шаржа и гротеска; тема нового пореформенного хищничества естественно приводила и к сближениям с миром животных — то в вариациях басенных образов хищного (но любезно виляющего хвостом!) волка, то робкого барана, вкрадчивой лисицы, намеча-

ются и зяблик-литератор, резвящиеся жеребята и даже взбесившиеся клопы («легковесные» либералы). Впрочем, организующей роли в сатире эти образы пока не играют. Новые общественные явления еще требовали внимательного и длительного изучения, прежде чем найдены были для них вполне адекватные обобщения — образные формы. Но в произведении, имеющем характер итога, Щедрин мог свободно пользоваться разнообразными методами сатирического уподобления, преувеличения и упрощения — методами, испытанными и в фольклоре и в классической сатире всех веков.

Таким итоговым сатирическим произведением и вместе важнейшим этапом щедринского творчества была «История одного города». Сатира печаталась в «Отечественных Записках» в 1869—1870 годах и подверглась многим редакционным изменениям, прежде чем отлилась в окончательную форму. Образ города Глупова здесь расширился до образа всей самодержавно-помещичьей России и больше того — до образа всякого государства, теснящего бесправную народную массу. В «Истории одного города» хотели видеть историческую сатиру в тесном смысле слова, то есть сатиру на п р о ш л о е России. К этому склоняли черты сходства между правлением шести градоначальниц и правлением русских императриц в XVIII веке, между Грустиловым,

Беневоленским, Угрюм-Бурчевым и Александром I, Сперанским, Аракчеевым. Но тут же оказывалось, что не все поддается расшифровке, а с другой стороны, что слишком многие явления прошлого остались за пределами сатиры.

Салтыков резко восстал против такого толкования. Его обобщение не могло быть только зашифровкой конкретных явлений (хотя отдельные портретные черты не исключались). «Мне нет никакого дела до истории», — писал он Пышину по поводу статьи Суворина об «Истории одного города» — и я имею в виду лишь настоящее. Может быть я и ошибаюсь, но во всяком случае ошибаюсь совершенно искренно, что те же самые основы жизни, которые существовали в XVIII веке, существуют и теперь. . .» Салтыков разъясняет далее, что в лице Парамоши изображен не только Магницкий, но и гр. Д. А. Толстой (в те годы — министр народного просвещения), и не он один, а «все вообще люди известной партии и ныне не утратившей своей силы».

Салтыкову приходилось защищаться и от другого обвинения — в глумлении над народом. На это он отвечал письмом в редакцию «Вестника Европы» (при жизни его не напечатанном), что в глуповцах своих он видит отнюдь не народ в смысле «воплощения идей демократизма», а «народ исторический». Иными словами, осме-

ивая глуповцев, Щедрин осмеивал не классовые свойства угнетенного крестьянства, но и национальные свойства русского народа, а только исторические черты разных классов народа, в разной мере виновных в подчинении Бородавкиным и Угрюм-Бурчевым, прошлым и настоящим.

Значение «Истории одного города» было понято и оценено лишь немногими из современников. Тургенев не задумался поставить щедринскую сатиру в один ряд с сатирой Свифта: этим был найден подлинный масштаб для великого русского сатирика, в произведениях которого еще недавно Писарев не разглядел ничего, кроме «цветов невинного юмора». Методы сатирического обобщения в «Истории одного города» смелы и разнообразны. Очень смело включены в сатиру элементы не только гиперболы и шаржа, но и сказочной фантастики. Фантастика эта не привносится извне как что-то инородное, она является лишь доведением до предела реалистической сатиры. Органчик в голове Брудастого, игравший два мотива «разорю» и «не потерплю», является лишь дальнейшим развитием и заострением щедринского же помпадура, воскликнувшего в решительную минуту то же «разорю!». И даже такой гротеск, как голова Прыща, начиненная трюфелями, оказывается художественной необходимостью для мотивировки столь

парадоксального явления как временное глуповское благополучие.

Кукла-Брудастый и страшный человек-автомат Угрюм-Бурчеев, идеолог казарменной нивелировки, — вот наиболее мощные сатирические обобщения самодержавно-полицейской власти. Мотивы автоматизма и кукольности, лишь отчасти намеченные у Щедрина до того, оказались не бесследны для его дальнейшего творчества: в 1880 году он начинает работать над целым циклом, основанным на мотивах кукольного театра («Игрушечного дела людишки»). Реальные впечатления царской солдатчины, превращавшей человека в марширующего автомата, вылились в образ, полный глубочайшего художественного и общественного содержания: сатирик показал, как самое существо глуповского строя механизмирует и умерщвляет живую жизнь.

Замечательны и лапидарные характеристики градоначальников в предваряющей сатиру «Описи». Лучшая из них по своему обобщающему смыслу выходит далеко за пределы сатиры на русскую историю. Это знаменитая характеристика Перехват-Залихватского: «Въехал на белом коне, сжег гимназию и упразднил науки».

«История одного города» не была отвлечена от современности. Но сатира на современность была в ней скрытой основой; из современности извлекалось то, что могло быть материалом

для больших обобщений. Одновременно Щедрин продолжал пристально всматриваться в явления современности, еще не отстоявшиеся, еще слагающиеся на его глазах. И в этом была одна из главных особенностей его как сатирика: пронизательный наблюдатель и меткий диагност, он отражал явления в процессе их развития, тем самым помогая их осмыслению с демократических позиций. Главным и непосредственным врагом в эти годы остается для него «хищник» — дворянин-крепостник. Он не довольствуется ни общей характеристикой этих врагов, ни типическими их портретами. Он их изучает, изучает и в их разновидностях и в их развитии: воссоздает условия воспитания, картину среды, показательные личные биографии. Создается цикл «Господа Ташкентцы», где Ташкент — термин не географический, а отвлеченный: всякая страна, где «бьют по зубам». Ташкентцы — также собирательное имя: люди с девизом — «не зевать!» и с целью — «жрать!». Ташкентский цикл, однако, не был доведен до конца: остались неразработанными задуманные рубрики: «Ташкентцы на пути к славе» (кроме очерка «Они же») и «Ташкентцы наверху величия». Отказ от продолжения мог быть вызван цензурными трудностями. Но могли быть причины и творческого порядка, связанные с тем, что самый замысел в процессе работы существенно менялся. Ряд

очерков о «Ташкентцах приготовительного класса» закономерно пополнился биографией Василия Портоухова — хищника уже нового буржуазного типа. Это не могло не нарушить стройности первоначального замысла. Возникла новая тема — тема специфически-буржуазного хищничества, и притом в специфических пореформенных условиях. Новая тема должна была изменить самую структуру щедринской сатиры. Современность начала 70-х годов, периода развивающегося капитализма, открывала для сатирика возможности не одного только показа сплошной галереи Сидорычей-ташкентцев, не одних трагикомических эпизодов их отношений с Иванушками; она открывала и возможности развернутого комического памфлетного романа, где разного рода «хищники» сталкиваются друг с другом в борьбе за «куски».

Внутреннее ничтожество героев дает происходящему тон «миража», и миража комического. Так был задуман «Дневник провинциала в Петербурге» (по первоначальному замыслу — «В погоне за счастьем; история моих изнурений»).

«Дневник провинциала» насыщен самой непосредственной злободневностью. Последние правительственные мероприятия, громкие судебные процессы, погоня за концессиями и биржевой ажиотаж, международные конгрессы и выставки, газетная полемика, научные споры — все это

преломлено в сознании героев-провинциалов, приехавших в столицу с выкупными свидетельствами в кармане и «изнуряющих» себя «в погоне за счастьем», вместе с тем все это (в том числе, конечно, и сами герои) дано в непримиримо-сатирическом, до конца разоблачающем авторском аспекте. И, как обычно, у Щедрина самая животрепещущая злободневность отражена в чертах настолько типических и симптоматичных, что сатира переживает свое время: реальный комментарий к ней остается необходимым, но перестает играть решающую роль. Это особенно ясно в замечательном обличении «пенкоснимательства» (одна из многих щедринских формул, вошедших в язык настолько прочно, что пользуются ею далеко не одни читатели «Дневника провинциала»). Ближайшим образом, пенкосниматели — либералы 60 — 70-х годов, а «Старейшая российская пенкоснимательница» — псевдоним газеты «Санкт-Петербургские Ведомости». Но сатира Щедрина метит гораздо дальше. Пенкосниматель — либерал, оппортунист, постепеновец, крохобор, сторонник малых дел, всякий, кто удовлетворяется в политике полумесячной отсрочкой налогов, в науке — открытием мавританского происхождения песни о «Чижике». Не практика сама по себе — политическая и научная — разоблачается и высмеивается Щедриным, а довольство

малым в этой практике, ведущее к реакционному лозунгу: «наше время — не время широких задач».

Пенкоснимательство — новый вариант маниловщины, но маниловщины, проникшей в самую глубь общественной жизни. Сатира на пенкоснимательство вместе с образами пенкоснимателей Менаандра Прелестнова, Неуважай-Корыта и других была одним из самых значительных достижений Щедрина-художника. Но Щедрин не только показал образы пенкоснимателей, он раскрыл их прямую идеологическую связь с буржуазией или, по его замечательному выражению, с новым «ветхим человеком». Пенкосниматель тоже хищник: «это тихо курлыкающий панегирист хищничества, признающий в нем единственную законную форму жизни и трепетно простирающий руку для получения подачки».

На протяжении всего своего дальнейшего творчества Щедрин продолжает разоблачение этого двуединства: практиков хищничества и их «панегиристов» — либералов. Это не отменяло борьбы и со старым «ветхим человеком»; Щедрин со своей обычной исторической зоркостью не мог не видеть, что остатки крепостничества продолжали влиять на капиталистическое развитие.

Анализ рядом с синтезом, внимание — вплоть до мельчайших деталей — к показательным харак-

терам и бытовым явлениям рядом с широчайшими сатирическими обобщениями, где вступает в законные права гротеск, — оба эти методы органически сочетались в творчестве Щедрина. Он не знал ни натуралистической погони за эмпирикой самой по себе, ни абстрактной схематизации; его частные наблюдения всегда объединены общей художественной идеей; его обобщения и даже гротески всегда предполагают за собою совершенно конкретный материал. Вслед за «Дневником провинциала» Щедрин дает широкую картину новых общественных явлений в масштабе не одного Петербурга и не в нарочито памфлетном сгущении, а с максимальной точностью и верностью: создается цикл «Благонамеренные речи» (1872—1876). Из этого цикла выделяется как самостоятельное целое головлевская хроника — своего рода «Книга об умирающих», которая только теперь, при новом понимании исторического развития, могла быть Щедриным осуществлена. Одновременно развивается и углубляется обличение «пенкоснимательства» в цикле «В среде умеренности и аккуратности» (1874—1877). Центральная в «Благонамеренных речах» тема нового хищничества иллюстрируется особым экскурсом «Убежище Монрепо» (1879). В том же 1879 году в «Круглом годе» намечены итоги всей общественно-политической действительности на новом ее этапе.

Начат и ряд других сатирических циклов: «Книга о праздношатающихся» (в последней редакции «Культурные люди»), «Между делом» (в отдельном издании — «Недоконченные беседы»), «Дети Москвы», наконец, замечательная «Современная идиллия», напечатанная после перерыва, уже в изменившихся исторических условиях.

Огромный материал, изображенный и осмысленный Щедриным, осознавался им самим как моменты одной работы, руководимой одной общей идеей. Сам он формулировал эту общую идею в применении к своим важнейшим циклам 70-х годов (в письме 2 января 1881 г. к Е. И. Утину) как свободное исследование тех современных «основ», во имя которых эта свобода исследования попирается: «По мере сил моих и в размерах цензурного произвола, — продолжает Щедрин, — это и сделано мною в «Благонамеренных речах». Я обратился к семье, к собственности, к государству и дал понять, что в наличности ничего этого уже нет. Что, стало быть, принципы, во имя которых стесняется свобода, уже не суть принципы даже для тех, которые ими пользуются. На принцип семейственности написаны мною «Головлевы». На принцип государственности — «Круглый год».

«Ничего этого нет» — значит, во-первых, что наличные формы собственности, семьи и го-

сударства, основанные на эксплуатации и насилии, находятся в резком противоречии с той лицемерной фразеологией, с которой эти «основы» провозглашаются общечеловеческими идеалами. Но для Щедрина они не могут быть и идеалами. Как идеалы они «видимо исчерпываются» (то же письмо). Щедрин, конечно, понимает, что исчерпываются они в очень длительном процессе, и на обвинения в отрицании «основ» иронически отвечает в «Круглом годе», что «эти-то самые основы значатся и на его знаменах», что все их он «приемлет и нимало вопреки глаголет»; но «не приемлет» тех «столпов» собственности, семейственности и государственности, которых изобличает его сатира (как этих трех сатирических циклов, так, разумеется, и многих других).

«Благонамеренные речи» направлены прежде всего против «собственности» и ее «столпов»; характерно, что в очерке «Опять в дороге» самое слово «собственность» выделено в тексте заглавным шрифтом. Колоритная фигура деревенского буржуа Дерунова нарисована прежде всего как фигура собственника, «радетеля», приобретателя, или, что то же, — хищника. Но «основы» представляют собой единство, и даже на одном примере Дерунова (который на глазах читателя вполне убедительным образом превращается в хозяина модного столичного салона)

Щедрин показывает крушение и других основ. «С невыносимую болью в сердце, — иронизирует автор, — я должен был сказать себе: Дерунов не столп! Он не столп относительно собственности, ибо признает священную только лично ему принадлежащую собственность. Он не столп относительно семейного союза, ибо снохач. Наконец он не может быть столпом относительно союза государственного, ибо не знает даже географических границ русского государства. Но где же искать столпов, если даже Осип Иваныч не столп?»

Как видно уже из этой цитаты, автор в «Благонамеренных речах» принимает роль безобидного «русского фрондера», готового «жать руки пустоплясам всех партий и лагерей» («К читателю»), готового уловить «благие начинания» даже в «атмосфере обуздания». Готового — но безуспешно! Действительность, наблюдаемая «автором» в его скитаниях по России, не обнаруживает в темном царстве «обуздания» ни единого «луча света»: «столпы»-хищники сменяются рядовыми доносчиками, те — пенкоснимателями-пустословами, и все вместе объединяются «дикостью понятий» относительно тех же пресловутых основ — семьи, собственности, государства. «Можно ли так жить?» — восклицает, наконец, автор, заключая один из очерков.

«Лучи света» существуют, и Щедрин их видит. Но они глубоко враждебны «атмосфере обуздания». Задыхаясь, пробивается сквозь нее «Непочтительный Коропат», герой одноименного очерка, сын хищницы-помещицы «кузины Машеньки». В рассказе «Дворянская хандра», написанном в те же годы (1878), восторженная Юленька знает, что «придет не только заря, но и солнце». Щедрин не устает повторять, что «правда не изгибнет». Но эту правду он резкой чертой отделяет от разоблачаемого им мира «ветхих людей», в их обеих разновидностях — старой и новой.

«Господа Головлевы» на примере «эпизодов из жизни одного семейства» (первоначальное заглавие цикла) показывают с особенной силой и яркостью, что «ничего этого нет», что реальная действительность дворянской России не имеет ничего общего с теми «основами», которыми пытается прикрыться. Это семейная хроника, полярно противоположная аксаковской — в основном идиллической, — это хроника удручающая и мрачная. Не нагромождение несчастий само по себе, не выморочность головлевского рода так удручают читателя: удручает созданный Щедриным образ человеческого ничтожества. Впечатление усиливается тем, что ничтожество это показано не как случайное личное свойство, а как социальная закономерность.

Иудушка — Порфирий Головлев — типичен для той деградации человека, которую несет с собой гибель старого Глузова, старой дворянской России.

Понимание Иудушки только как лицемера узко и недостаточно. Лицемерие Иудушки, как лживость Хлестакова, как скупость Плюшкина, — лишь черта, производная из общего строя характера. Сам Щедрин об этом писал с полной определенностью: «Не надо думать, что Иудушка был лицемер в смысле, например, Тартюфа или любого современного французского буржуа, соловьем рассыпающегося по части общественных основ». В отличие от сознательных лицемеров, преследующих своим лицемерием определенные политические и социальные цели, Иудушка «не столько лицемер, сколько пакостник, лгун и пустослов». Так — конечно, лишь приблизительно — формулировал Щедрин то новое качество, какое было им открыто и воплощено в отвратительном образе Иудушки, в душевном мире которого «ничего этого [то есть никаких ценностей] уже нет». Между тем в руках Иудушек материальная сила, возможность распоряжаться судьбами людей, и это самое страшное в щедринской хронике.

Если «Историю одного города» в масштабе европейской литературы можно сравнивать только с произведениями Рабле и Свифта, то этот

щедринский шедевр можно сравнивать—и опять-таки в том же общеевропейском масштабе—только с образами Гоголя и Достоевского. «Иудушка» — типическое обобщение той же глубины, что маниловщина и смердяковщина. Мастерство Щедрина в «Господах Головлевых» сказалось с особенной очевидностью в том, что он пошел по пути наибольшего сопротивления и не побоялся изобразить в отвратительном образе Иудушки проблески человеческих чувств. Но это привело не к фальшиво-идиллическому финалу, как могло случиться с писателем менее глубоким, а только дало необходимые оттенки, если и усложнившие образ, то не изменившие ни в чем его существа.

Головлевская хроника органически связана с «Благонамеренными речами» общей темой «ничего этого уже нет». Развитием некоторых мотивов тех же «Благонамеренных речей» было «Убежище Монрепо», написанное в 1879 году. Фигуры лихого купчины Разуваева и кабатчика Колупаева, варирующие фигуру «столпа» Дерунова, очень быстро стали нарицательными именами. Предрешенный переход имения из рук «культурного человека» в цепкие руки Разуваева иронически изображен как своеобразный «фатум» (всецело, однако, сводимый к материальным основаниям). Наряду с «Господами ташкентцами», «Убежище Монрепо» внимательно

читал Маркс, отметив сочувственно отдельные места. Маркс заметил, однако, что «автор не очень счастлив в своих положительных выводах».

Значение щедринской сатиры и для нас остается прежде всего в ее разоблачительной энергии, а не в положительных выводах. В приведенном выше письме к Утину Салтыков предпочитает формулировать идеалы современности в нарочито общей форме: «свобода, равноправность и справедливость». «Что же касается практических идеалов, — продолжает Салтыков, — то они так разнообразны, начиная от конституционализма и кончая коммунизмом, что останавливаться на этих стадиях значит добровольно стеснять себя. Я положительно убежден, что большее или меньшее совершенство этих идеалов зависит от большего или меньшего усвоения человеком тайн природы и происходящего отсюда успеха прикладных наук». Из этих слов видно, что сатирик, становясь на историческую, а отчасти и материалистическую точку зрения, считал конечным идеалом человечества — коммунизм; но, оставаясь утопическим социалистом, в непосредственную борьбу за этот идеал не включался. Но и в таком понимании проблемы идеалов понятия «свободы, равноправности и справедливости» переставали быть чистыми абстракциями, тем более, что творчески они осве-

щались на совершенно конкретном материале отрицательных по отношению к этим идеалам явлений. Параллельно с «Благонамеренными речами» Щедрин работал над циклом «В среде умеренности и аккуратности» (1874—1877), где в резких сатирических образах развивалась тема, начатая в «Дневнике провинциала» и лишь частично затронутая в «Благонамеренных речах», — разоблачение истинной сущности либерального приспособленчества. Если в «Дневнике провинциала» связь пенкоснимательства с хищничеством была декларирована, теперь она раскрыта в самой художественной ткани. Для этого раскрытия Щедрин применяет разнообразные средства. Еще в «Дневнике провинциала» (отчасти и раньше) Щедрин пользовался образами литературных героев — гоголевских, тургеневских, гончаровских, продолжая их биографии, сталкивая их друг с другом, и т. п. Теперь этот же прием положен в основу всего замысла. Первая половина цикла объединена образом грибоедовского Молчалина, имеющего, впрочем, и варианты (из них выделен Молчалин 2-й — редактор газеты «Чего изволите»), вторая половина — образом гоголевского Тряпичкина, беспринципного литератора.

Щедринский вариант молчалинства — новое и вполне самостоятельное типическое обобщение. Щедринские Молчалины сохраняют свои искон-

ные грибоедовские черты: это люди «скромные и податливые». Это по природе своей не инициаторы, а исполнители, но в них, даже в наиболее добродушных по личным свойствам, наглядно показана связь с тем самым хищничеством, которому они служат.

«Я видел однажды Молчалина, который, возвратившись домой с обагранными бессознательным преступлением руками, преспокойно принялся этими самыми руками разрезать пирог с капустой.

— Алексей Степаныч! — воскликнул я в ужасе: — вспомните, ведь у вас руки. . .

— Я вымыл-с, — ответил он мне совсем просто, доканчивая разрезать пирог. . .»

В этом «совсем простом», «чистом сердцем» Молчалине пронизательный взор сатирика увидел врага не менее опасного, чем самые активные «инициаторы».

В том же цикле развернут замечательный прием разоблачения реакционной действительности, подготовленный и в более ранних вещах — в «Помпадурках и помпадуршах», в «Похвале легкомыслию» (1870), в «Благонамеренных речах» — и который с этих пор становится основным для целого ряда циклов («Современная идиллия», «Круглый год», «Письма к тетеньке» и др.). Прием этот — включение в сатиру образа «автора», — рассказчика, свидетеля или коммента-

тора, — переключающегося на реакционную точку зрения в целях ее окончательного посярмления. Случаи эти в сатире Щедрина варьируются с необходимым разнообразием и тонкостью оттенков. Иногда это поза «умеренного» собеседника, который в споре с противником отстаивает очевидный минимум; иногда, напротив, это сверхблагонамеренный, доводящий враждебную точку зрения до явной нелепости; иногда — человек, незаметно для себя соскальзывающий на путь компромисса с реакцией; иногда, наоборот, силящийся примириться с ней — но безуспешно. Чаще всего это вольное или невольное «затмение» кончается прозрением: один из таких случаев в «Господах Молчалиных», где «автору», который долго инструктировал Молчалина-журналиста в его полемике с газетой «Ишило бреет», вдруг начинает казаться, что он «два-три часа в помойной яме просидел».

Впервые в этом же цикле появляется адвокат Балалайкин, изображенный как побочный сын грибоедовского Репетилова и воспитанник грибоедовского же Удушьева. Это синтетический образ, вобравший в себя элементы не только репетиловщины, но и хлестаковщины и ноздревщины. Балалайкин — воплощение предельного цинизма и продажности в их неизбежном сочетании с полнейшей политической «благонадежностью». В другом цикле — в «Современной

идиллии» — Балалайкин характеризуется словами: «бывают такие физиономии, которые — как ни умывай, ни холь, а все кажется, что настоящее их место не тут, где вы их видите, а в доме терпимости». Характерно, что В. И. Ленин еще в 1904 году сближал с Балалайкиным Троцкого (и его же в 1911 году назвал Иудушкой; см. статью «О краске стыда у Иудушки Троцкого»).

Уже Молчалины и Балалайкины были типическими продуктами политической реакции: сатирическое внимание к ним тесно связано с темой российской государственности. Но, как отмечал сам Щедрин, «на принцип государственности написана им особая книга — «Круглый год» (1879). Здесь отразилась душная и напряженная политическая атмосфера (1879 год — год двукратного покушения на Александра II), обострение реакции и пополнение ее новыми, в том числе молодыми силами. «Глупо, неестественно, несбыточно до очевидности, но в то же время как-то мрачно-неправдоподобно», — определяет это время «автор», с ужасом наблюдающий, что в этом мире «призраков» — «мы сами отчасти делаемся призраками, принимаем их складку». Но соскальзывающий минутами на слишком терпимое отношение к своему преуспевающему племяннику, Феденьке Неугодову, автор все же решительно «не приемлет», чтобы тот же Феденька

«слыл за поборника государственного союза за то только, что он видит в государстве пирог, к которому ловкие люди могут во всякое время подходить и закусывать».

Сатира Щедрина не ограничивалась масштабом России. Наиболее широкие обобщения его и раньше выходили за национальные пределы. О своем образе Ташкента сам Щедрин писал, что «Ташкент существует и за границею». Так намечался путь к непосредственному изображению в сатире буржуазного Запада. В первый раз Салтыков посетил Западную Европу в 1875—1876 годы. Он наблюдал Францию при Мак-Магоне в годы разгула буржуазной реакции — после Седанского поражения и разгрома Коммуны. Он пишет Анненкову 2 декабря 1875 года о Франции: «Как ее распинают эти сукины дети в Национальном Собрании! Так поедом и едят. Вот и чужая сторона, а сердце по ней надрывается!» Впечатления новой поездки 1880 года вызвали к жизни целую книгу «За рубежом». Подлинное существо третьей республики, даже и переставшей быть «Мак-Магонией», Щедрин видит вполне трезво. Это — «республика без республиканцев» (выражение, несколько раз повторенное и примененное к новейшей истории Лениным); республика «с сытым буржуа во главе, в тылу и на флангах». Щедрин разоблачает и самую суть ее и ее политических деятелей с обыч-

ной своей остротой и силой. Но «За рубежом» — не только сатира на Францию: в новый сатирический замысел Щедрина естественно включаются и впечатления от бисмарковской Германии; так же естественно привходит сюда и попутная оценка российской политики. Граф Твердо-онто, бюрократ новейшей формации, сменивший старые глуповские лозунги «разорю!» и «не потерплю!» на столь же выразительное, но более практическое «пошел!» — это новое и значительное типическое обобщение сатирика (а не просто портрет-шарж графа Д. А. Толстого).

В книгу «За рубежом» включены замечательные сатирические диалоги. В этом новом жанре Щедрин создал два шедевра, значение которых намного переросло злободневность, их вызвавшую: «Мальчик в штанах и мальчик без штанов» и «Торжествующая свинья или разговор свиньи с правдою». Диалог двух мальчиков — и по теме и по исполнению сатира международного значения, раскрывающая многое не только в российском Колупаеве и западном господине Гехте (Necht — шука) — хозяевах заспоривших мальчиков, но убийственная и для немецкого «мальчика в штанах», добровольно пошедшего в кабалу к Гехту. Несостоятельность народнических иллюзий об особом пути России разоблачена в этом диалоге-гротеске с исключительной силой. Незабываемы и образы тор-

жествующей свиньи, которая чавкает и гложет нагую (но прикрытую, «по распоряжению начальства», лохмотьями!) Правду. Если ближайшим образом Щедрин обличает здесь реакционную печать типа «Московских Ведомостей» Каткова, то и здесь художественный смысл образа оказался неизмеримо шире: торжествующая свинья стала символом всякой политической и общественной реакции.

Последние главы цикла «За рубежом» напечатаны уже после 1 марта 1881 года. Последствия первого марта общеизвестны: разгром народолюбчества, усиление реакции как в правительственном курсе, так и в буржуазно-дворянских общественных кругах. Крайним выражением этой реакции было возникновение так называемой «Священной дружины» — тайной шпионской и террористической организации, поставившей целью «содействие» правительству в борьбе с революционным движением. Щедрин с глубокой тревогой следил за всеми этими явлениями. Откликом на них был новый цикл его «Письма к тетеньке» (1881—1882). С исключительной тонкостью создан здесь самый образ автора-обличителя. Он загримирован под «бывшего либерала», якобы простодушно вспоминающего о своих недавних «бреднях». Но «благонмеренный» тон автора все время скользит между очевидной иронией и допущением

этой благонамеренности как реальной о п а с н о с т и для самого пишущего. Когда корреспондент тетеньки рисует ей целую программу жизни без «бредней», заполненную домашними обедами и хождениями к городovým и дворникам на свадьбы и крестины, когда он восклицает: «Воспрянемте, тетенька, и будем лгать!» — это не только ирония, но вместе и необходимо шаржированное изображение той перспективы пошлости, к которой логически приводит всякая терпимость (или, по Щедринскому выражению, — повадливость). Но автор не ограничивается этим: ироническая проповедь отказа от «бредней» то и дело перебивается невольными оговорками и сомнениями, а это дает возможность автору в ответственных местах говорить своим собственным голосом, уже без иронии.

Сатирический смысл цикла усилен тем, что собственное отношение к окружающей общественной реакции автор выражает в форме полемике с «тетенькой», чрезмерную «повадливость» которой ему приходится теми или иными способами сдерживать. «Тетеньку» издавна, и в общем правильно, понимали как псевдоним либеральной интеллигенции. Но Щедрин оживил эту аллегория, придав «тетеньке» конкретные черты: не только л и ч н ы е черты простодушной стареющей кокетки, но и социальные черты помещицы, воспитанной еще «на лоне крепостного

права» и тем легче способной подпасть под влияние Пафнутьевых (реакционных земцев). Наконец, вводится фигура авторского собеседника Глумова, который изобличает «тетеньку» в «повадливости», а самого «автора» в непоследовательности. В переписке «автора» с «тетенькой» общественная жизнь начала 80-х годов в пределах цензурных возможностей отражена широко. Непосредственное разоблачение «Священной дружины» не удалось, и посвященное ей третье письмо пришлось переделать (впрочем, и доцензурная редакция распространилась в нелегальных изданиях и списках). Но Щедрина удалось постепенно включить элементы запрещенного письма в дальнейшие письма, а главное — дополнить их образом Ноздрева, редактора газеты «Помои» и автора новейшей «теории содействия» («наяривай. . . а впрочем, как угодно!»).

В 1882 году реакционный правительственный курс был закреплен назначением графа Д. А. Толстого (Парамони и графа Твердо-он-то щедринской сатиры) министром внутренних дел. Под этим впечатлением Салтыков писал 8 июня 1882 года доктору Белоголовому: «Письма к тетеньке» я кончил, как оказывается, совершенно кстати. . . Теперь надо писать о светопредставлении. Вы спрашиваете, что я готовлю дальше. Да вот хоть бы «Современную идиллию» кончить. . .»

«Современная идиллия», начало которой было напечатано в 1877—1878 годах, была действительно близка «Письмам к тетеньке». Актуальность ее к 1882 года только усилилась. Рассказчик и Глумов в этой сатире были изображены не как полемисты, а как два друга, взаимно помогающие друг другу (хотя и с явным насилием над собой) дойти до пределов благонамеренности. Убеждая друг друга в том, что «необходимо погодить», они решительно обуздывают и язык свой и самую мысль, чтоб не дойти до превратных «толкований»: они «годят», занимаясь набивкой папирос и игрой в преферанс. Так заканчивалась сатира первоначально. Предел благонамеренности был изображен, оказывается, не окончательный. Герои сатиры «под влиянием шкурного самосохранения» пришли к убеждению, что только «уголовная неблагонадежность может прикрыть и защитить человека от неблагонадежности политической» (объяснение самого Щедрина в письме к Пышину от 1 ноября 1883 г.). Сообразно с этим герои и поступают, то есть «заводят подлые связи и совершают пошлые дела». Мы застаем их и в полицейском участке, где они всех удивили своей ультраблагонамеренностью, и в обстановке бывшего дома терпимости, теперь — квартиры Балалайкина, и т. п. и, наконец, — в редакции «Словесного Удобрения», где их наконец и настигает забытый ими Стыд.

«Современная идиллия» была развернута по типу авантюрного романа, разумеется, чисто памфлетного содержания, с многочисленными намеками на злободневные явления, как это было и в «Дневнике провинциала», но с гораздо большей сатирической резкостью, большей значительностью обобщений, сочетанием блестящего остроумия с серьезностью мысли. «Современная идиллия» синтетически сосредоточила в себе различные щедринские методы и стала одним из самых замечательных достижений его сатиры.

В «Современной идиллии» два вставных эпизода: «Сказка о ретивом начальнике, как он своим усердием вышнее начальство огорчил» и драматическая сцена «Злополучный пескарь или драма в Кашинском окружном суде». «Сказка о ретивом начальнике» известна теперь каждому советскому читателю после того, как товарищ Сталин в своем историческом докладе о проекте Конституции СССР привел убийственно-ироническое сопоставление фашистских политиков с щедринским ретивым начальником, мечтавшим о «закрытии Америки», и напомнил им его же реплику самому себе: «Но, кажется, сие от меня не зависит?» Это был яркий пример того длительного исторического значения, какой щедринская сатира сохраняет вплоть до наших дней. Но, как и многое другое в тексте Щедрина,

самые острые моменты «Сказки», запретные в те годы, были восстановлены только в советское время. Такова «программа мерзавцев» (ближайшим образом имелась в виду «Священная дружина»): «чтобы нам, мерзавцам, жить было по-вадно, а прочим всем, чтоб ни дна ни покрывки не было», и т. д. Другой вставной эпизод — «Злополучный пескарь» — был злой сатирой на политические процессы (ближайшим образом на «процесс двадцати»).

И «Сказкой о ретивом начальнике», и «Злополучным пескарем», и несколько раньше написанными «Игрушечного дела людишками» Щедрин возвращался к жанру сказки, оставленному им с 1868 года. Возвращение это было не случайным. Щедрин явно ищет новых жанров, соответствующих историческому моменту, той глубокой реакции, для изображения которой могли быть пригодны только остро гротескные формы. В 1883 году он пишет небольшой цикл «Попехонские рассказы» с вызывающим эпиграфом «По Сеньке и шапка». Этот цикл демонстративно начинается рассказами о глупейших приключениях старого майора, где элементарная эротика перемешана с самой немотивированной фантастикой. Но в этом цикле Щедрин постепенно переходит к более серьезному тону, — появляются сатирические портреты мнимых «бессребренников-городничих, затем похождения Крамольникова,

которого преследуют «содействователи» Скорпионов и Тарантулов. В главах «Пошехонские реформаторы» и «Пошехонское дело» даются как бы новые варианты эпизодов из истории Глупова, а последний «вечер» заканчивается уже трагическим эпизодом убийства пошехонцами крамольного Ивана Рыжего за проповедывание «ереси» (эта «ересь» состояла в том, что «ежели и неправильно начальство требует», — надо подчиниться). «Пошехонские рассказы» были пренебрежительно встречены частью современной критики («какие-то мало остроумные пошехонские карикатуры») и до сих пор наименее популярны из щедринских циклов. Пренебрежение к ним несправедливо, но понятно, что они затенены другими, более яркими циклами.

Жанр сказки был особенно нужен Щедрину на этом творческом этапе и в этой исторической обстановке. Сказка, допуская достаточное внутрижанровое разнообразие (сказка сюжетная, диалог, чистая аллегория и т. п.) склоняла к гротескному упрощению и в то же время — обобщению. Время трагических итогов настало. Гротеск был лучшей формой обобщения для начисто отрицаемой действительности. В частности, жанр сказок о животных давал сатирику возможность показать предельное искажение человеческого облика, с одной стороны, и необходимый минимум психологии — с другой.

А. М. Вейсберговъ
ПОМШАДУРЫ
и
Варягъ
ПОМПАДУРЩИ

ИЗДАЛЪ

М. Е. САЛТЫКОВЪ (ЩЕДРИНЪ)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФИЯ А. С. СУВОРИНА, ЗНАМЕНЬ ПЕР., Д. № 11—2
1879

Первые же сказки встретили цензурное противодействие, а вскоре — в апреле 1884 года — запрещены были «Отечественные Записки», руководимые Щедриным: орган, где он непрерывно работал в течение шестнадцати лет. Скрепя сердце, Щедрину пришлось переходить в либеральные журналы и газеты — «Вестник Европы», «Неделю», «Русские Ведомости». По иронии истории даже сказка, где дана уничтожающая синтетическая характеристика либерализма («Либерал»), появилась впервые в либеральных «Русских Ведомостях». Эта сказка (много раз использованная Лениным в политической борьбе) гениально-меткими формулами эволюции либерала («по возможности» — «хоть что-нибудь» — «применительно к подлости») завершает щедринскую галерею пенкоснимателей и «повадливых».

«Сказки» Щедрина принадлежат вообще к самому значительному, что им создано. Его сказки о животных, несмотря на конкретно-современное происхождение каждой, пережили свое время. «Карась-идеалист» — конечно, прежде всего прекраснородушный народник или толстовец; «Премудрый пескарь» — напуганный обыватель 80-х годов, «Коняга» — русский крестьянин-бедняк конца XIX века. Но даже в случайном и временном здесь раскрыто длительное и типичное, и самые образы, наделенные полнотой сатирического содержания, незабываемы как образы народного

сказочного эпоса или басен Лафонтена и Крылова.

Художественная убедительность щедринских сказок основана на одном существенном в его сатирической системе приеме: Щедрин почти стирает границу между человеческими чертами и чертами животных и тем самым между аллегорическим и непосредственно-реалистическим значением своих сказок. Оба смысла, прямой и подразумеваемый, как бы переливаются друг в друга; это сообщает образу сатирическую остроту, а сатирической теме образную насыщенность. Примером может быть хотя бы характеристика Карася-идеалиста: «Карась рыба смиренная и к идеализму склонная: недаром его монахи любят. . . Если же иногда и видим, что от времени на карасей устраивается облава, то отнюдь не за вольнодумство, а за то, что они вкусны», и т. п.

«Сказки» не стали, однако, итогом творчества Щедрина в точном смысле слова. Сатирик, хотя и изнуренный болезнями и удрученный гибелью любимого журнала, продолжал наблюдать жизнь, мыслить и творить. Параллельно со «Сказками» (1883—1886) создается цикл «Пестрых писем» (1884—1886), на многих новых примерах разрабатывающий сатирическую тему «пестрых людей», то есть беспринципных приспособленцев. С окончанием и этого цикла начинается работа над «Мелочами жизни» (1886—1887) и, наконец,

пад «Пошехонской стариной» (1887—1889), завершенной перед самой смертью Салтыкова.

«Мелочи жизни» — не сатирический в прямом смысле цикл, а цикл фельетонов и рассказов, раскрывающих «тину мелочей, опутавших нашу жизнь» приемом пристального и детального бытописания, вне какого бы то ни было шаржа и гротеска. К этому склонял самый материал, на который теперь преимущественно направлено внимание Щедрина: мир буржуазно-дворянских хищников отходит на второй план, а на первый выступает мир социальных низов и малоимущей социальной середины: крестьяне, ремесленники, трудовая, в подлинном смысле слова, интеллигенция. Замечательно, что в тех случаях, когда в круг изображений Щедрина входят здесь новейшие разновидности земцев Дракиных, газетчиков Молчалиных и адвокатов Балалайкиных (весь раздел «В сфере сеяния»), он, стремясь и здесь к бытовой полноте и точности, все же приближается к старому своему сатирическому стилю. Показательна в этом отношении концовка очерка о газетчике Непомнящем: «Но спрашивается, ужели это действительность, а не безобразное сповидение?» Концовка эта смыкается со многими другими высказываниями Щедрина на тему «эстетических отношений искусства к действительности»; из них видно, что свои методы шаржа и гротеска Щедрин теоретически обосно-

вывал принципиальным отрицанием тех социальных норм, которые были предметом его сатирического смеха.

Уже введение к «Мелочам жизни» заключало в себе исключительный по трезвости и пронизательности анализ социальной действительности. Автор «Мальчика в штанах и мальчика без штанов» не мог примыкать к иллюзорным прогнозам народников, не мог вместе с ними идеализировать в русской деревне то самое, что было в ней наиболее регрессивным. Незадолго до этого в «Пестрых письмах» он прямо говорил, что община «не обеспечивает ни от пролетариата, ни от обид, приходящих извне» (то есть разрушал основную из народнических иллюзий), и что «будущая форма общежития, наиболее удобная для народа, стоит еще для всех загадкою» (9-е письмо). Другая, вытекающая из первой, народническая иллюзия—о возможности для России особого пути к социализму мимо капитализма—разрушается им во введении к «Мелочам жизни»: «сдается, что придется еще пережить эпоху чумазовского торжества, чтобы понять всю глубину обступившего массы злосчастья». Здесь первый раздел—«На лоне природы и сельскохозяйственных ухищрений»—представлял собою детальнейшие «физиологические очерки» (как говорили в 40-е годы) быта современной деревни. Очерки эти имеют большое познавательное значение; большую роль

в этом отношении сыграла воссозданная Щедриным фигура «хозяйственного мужика». Ленин систематически пользовался этим щедринским выражением как термином, разумея народническое воззрение, по которому «кулак» и «хозяйственный мужик» ничем между собой не связаны; напротив, анализируя процесс разложения крестьянства, Ленин устанавливал связь между такими разновидностями сельской буржуазии как «хозяйственные мужички» и «мироеды» (название другого очерка того же щедринского цикла).

Рядом новелл, включенных в «Мелочи жизни» (разделы «Молодые люди», «Девушка», повесть «Портной Гришка» и этюд «Счастливец»), казалось бы, намечаются в творчестве Щедрина какие-то новые возможности. Связанные в основах художественного метода с такою вершиною щедринского реализма, как «Господа Головлевы», отчасти восходящие и к прежним щедринским новеллам («Больное место», «Старческое горе»), они замечательны и новыми чертами: сжатостью сюжета и остротой ситуации, притом — ситуации, всегда типической в общественно-историческом отношении. При этом наиболее трагические ситуации даны с предельным лаконизмом словесного выражения. Такие новеллы как «Христова невеста» и особенно «Сельская учительница» ближайшим образом соотносятся с новеллами Чехова.

В «Мелочах жизни» мы находим и последние писательские признания Щедрина. Раздел «Читатель» замечателен не только сатирическим анализом типов читателей, но и глубокой верой в существование хотя бы «инкогнито» «читателя друга». Этой верой оттеняется и трагический финальный очерк «Имярек» — итог судьбы писателя, «отраженного» в условиях глумовской и пошехонской действительности в ту самую минуту, когда «его мысль установилась на стезе правды».

Фактическим финалом творческого пути Щедрина оказалась «Пошехонская старина», над которой он работал два последние года жизни. Неутраченный изобразитель животрепещущей современности здесь превратился в историка-хроникера. Но противоречие это мнимое, так как Щедрин всегда мыслил исторически, редко кто понимал, как он, историческую диалектику, видя пережитки прошлого и зачатки будущего в настоящем. И тема крепостного права никогда не была для него темой только исторической: от «Признаков времени» до «Писем к тетеньке» и «Мелочей жизни» он не уставал разоблачать элементы крепостничества в пореформенной России. Вот почему и «Пошехонская старина» — не только историческая хроника, а произведение очень современное и для конца 80-х годов, но в то же время, разумеется, «Пошехонская старина» со-

храняет и все свое значение именно исторической хроники, раскрывающей всю подлинную «физиологию» крепостного быта, начиная от деталей домашнего обихода и кончая судьбами людей. Литературно-общественные тенденции «Пошехонской старины» комментируются одним признанием Щедрина, относящимся еще к 1871 году (в рецензии на сочинения Лейкина): «Мы помним картины из времен крепостного права, написанные à la Dickens. Как нам казалось тепло, светло, уютно, гостеприимно и благодушно! а какая на самом деле была у этого благодушия ужасная подкладка!» Правда, и Аксаков, которого Щедрин имеет здесь в виду, не мог остаться всецело в границах идиллии, но только Щедриным была обнажена «ужасная подкладка» крепостничества во всей ее полноте. Засеченная насмерть Улита и повесившаяся в отчаянии от сознания рабства Мавруша были только крайними проявлениями повседневного у ж а с а, сквозящего во всем повествовании Щедрина. В главах, изображающих реформу и ее бытовые и психологические последствия, чувствуется тот же острый глаз, который в свое время различил «Госпожу Падейкову»; но сосредоточен здесь и весь позднейший опыт сатирика. Некоторые главы представляют собою самостоятельные повеллы, близкие к новеллам «Мелочей жизни»; сдержанный трагизм таких глав как «Валентин Бурмакин» опять заставляет

вспомнить о младшем современнике Щедрина — Чехове.

Салтыков вступил в литературу как наследник Гоголя. Гоголевский критический реализм, гоголевская тема «пошлости всего вместе» (то есть пошлости общественной среды), гоголевский метод реалистической типизации, включающий в себя элементы гиперболы и шаржа, гоголевский юмор, основанный на разоблачении типического в самой действительности и никогда не переходящий в «смех для смеха», — все это было усвоено Щедриным, все это было основной для него литературной школой. Но на этой основе Щедрин движется дальше, что было отмечено Чернышевским. Движение Щедрина за пределы гоголевского метода обусловлено его революционно-демократической идейной сущностью, сознательной ненавистью к крепостничеству и политическому строю, — в этом свете иным, чем у Гоголя, становится самый образ общества и общественного человека, становятся возможными типические обобщения большой сатирической остроты. В то же время Щедрин включается как активный деятель в создание послегоголевского реализма: современник Льва Толстого и Достоевского, он обладал рядом возможностей разработки индивидуального характера или развертывания широких картин общественной жизни, какие в гоголевский период в литературе еще не могли

возникнуть. Пародист Л. Толстого и полемический противник Достоевского, он не миновал, однако, их достижений: творческие соответствия между «Господами Головлевыми» и «Братьями Карамазовыми» несомненны при всем идейном различии этих произведений. Уже отмеченные приближения в последние годы к Чехову показывают, что Щедрин никогда не был в стороне от большой дороги русской литературы, сохраняя в то же время свое творческое лицо, особенности своего неповторимого стиля.

Широко распространено убеждение, что Щедрин без комментария непонятен. Это верно лишь отчасти; Щедрин, конечно, требует комментария, что с горьким чувством сознавал он сам. Но на вершинах своего творчества он давал обобщения такой силы и яркости, настолько явно длительные по своему историческому смыслу, что комментарий для них даже не обязателен. Существо тех явлений, на которые был направлен гневный смех Щедрина, еще не умерло: как показал недавно товарищ Сталин, образы щедринской сатиры оживают в современном фашизме. Но и наша социалистическая современность многому может научиться у Щедрина, и в наши дни еще остаются в силе слова, сказанные в 1926 году А. В. Луначарским: «Я часто слышал от очень компетентных товарищей замечание, что Щедрин в настоящее время — как нельзя более живой писатель и что

очень многие явления нашей, как отмечал Ленин, изуродованной бюрократизмом, хотя и здоровой внутренне государственной и общественной жизни оказываются мишенью, в которую до сих пор еще попадают острые стрелы великого сатирика, пущенные его рукою в 70—80-х годах».

МАРКС—ЧИТАТЕЛЬ САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Маркс читал на всех европейских языках и писал на трех: немецком, французском и английском; владел он ими удивительно и любил повторять фразу: «Чужой язык есть оружие в жизненной борьбе». Он обладал огромным лингвистическим талантом, который унаследовали от него также его дочери. Когда Марксу было уже 50 лет, он принялся за изучение русского языка и, несмотря на трудность этого языка, настолько овладел им через каких-нибудь шесть месяцев, что мог с удовольствием читать русских поэтов и прозаиков, из которых особенно ценил Пушкина, Гоголя и Щедрина.

П. Лафарг. Карл Маркс. По личным воспоминаниям. К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. Сборник, М.—Л., 1937, стр. 662.

САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛЕНИНА И СТАЛИНА

Составил Л. Добровольский

І. ЛЕНИН О САЛТЫКОВЕ-ЩЕДРИНЕ

Хорошо бы вообще от времени до времени вспоминать, цитировать и растолковывать в «Правде» Щедрина и других писателей «старой» народнической демократии. Для читателя «Правды» — для 25.000 — это было бы уместно, интересно, да и получилось бы освещение теперешних вопросов рабочей демократии с иной стороны, иным голосом.

Соч., т. XXIX, стр. 74—75 (Редакции газеты «Правда», 1912).

Щедрин классически высмеял когда-то Францию, расстрелявшую коммунаров, Францию пресмыкающихся перед русскими тиранами банкиров, как республику без республиканцев. Пора родиться новому Щедрину, чтобы высмеять Васильева и меньшевиков, защищающих революцию посредством лозунга «отсутствие» революционеров, «отсутствие» революции.¹

Соч.: т. X, стр. 238—239 («Плеханов и Васильев», 1907).

---

¹ См. «За рубежом», гл. IV. *Ред.*

Жаль, что не дожил Щедрин до «великой» российской революции. Он прибавил бы, вероятно, новую главу к «Господам Головлевым», он изобразил бы Иудушку, который успокаивает высеченного, избитого, голодного, закабаленного мужика: ты ждешь улучшения? Ты разочарован отсутствием перемены в порядках, основанных на голоде, на расстреливании народа, на розге и нагайке? Ты жалуешься на «отсутствие фактов»? Неблагодарный! Но ведь это отсутствие фактов и есть факт величайшей важности! Ведь это сознательный результат вмешательства твоей воли, что Лидвали по-прежнему хозяйничают, что мужики спокойно ложатся под розги, не предаваясь зловредным мечтам о «поэзии борьбы».

Черносотенцев трудно ненавидеть: чувство тут уже умерло... Но кадетский Иудушка Головлев способен внушить самое жгучее чувство ненависти и презрения...

Соч., т. XI, стр. 158—159 («Торжествующая пошлость или кадетствующие эс-эры», 1907).

Еще Некрасов и Салтыков учили русское общество различать под приглаженной и напояженной внешностью образованности крепостника-помещика его хищные интересы, учили ненавидеть лицемерие и бездушные подобных типов, а современный российский интеллигент,

мнящий себя хранителем демократического наследства, принадлежащего к кадетской партии или к кадетским подголоскам, учит народ хамству и восторгается своим беспристрастием беспартийного демократа. Зрелище едва ли не более отвратительное, чем зрелище подвигов Дубасова и Столыпина. . .

Соч., т. XII, стр. 9 («Памяти графа Гейдена», 1907).

Особенно нестерпимо бывает видеть, когда субъекты вроде Щепетева, Струве, Гредескула, Изгоева и прочей кадетской братии хватаются за фалды Некрасова, Щедрина и т. п. Некрасов колебался, будучи лично слабым, между Чернышевским и либералами, но все симпатии его были на стороне Чернышевского. Некрасов по той же личной слабости грешил потками либерального угодничества, но сам же горько оплакивал свои «грехи» и публично каялся в них. . .

«Неверный звук» — вот так называл сам Некрасов свои либерально-угоднические грехи. А Щедрин беспощадно издевался над либералами и навсегда заклеил их формулой: «применительно к подлости». ¹

Как устарела эта формула в применении к Щепетевым, Гредескулам и прочим веховцам! Дело теперь совсем не в том, чтобы эти господа

---

¹ См. сказку «Либерал». Ред.

применялись к подлости. Куда тут! Они сами по своему почину, на свой лад, исходя из неокантианства и других модных «европейских» теорий, построили свою теорию «подлости».

Соч., т. XVI, стр. 132—133 («Еще один поход на демократию», 1912).

II. ЩЕДРИНСКИЕ ЦИТАТЫ И ОБРАЗЫ У ЛЕНИНА

Остановившаяся на утверждении народника Южакова, что отмена соляного налога, подушных податей, понижение выкупных платежей явились «серьезным облегчением народного хозяйства» и что «80-ые годы облегчили народное бремя (это вот указанными-то мерами) и тем спасли народ от окончательного разорения», Ленин замечает:

Тоже классическая по своему лакейскому бесстыдству фраза. . . Нельзя не вспомнить по этому поводу так метко описанную Щедриным историю эволюции российского либерала. Начинает этот либерал с того, что просит у начальства реформ «по возможности»; продолжает тем, что клянчит «ну, хоть чтонибудь» и кончает вечной и незыблемой позицией «применительно к подлости». Ну, как не сказать в самом деле про «друзей народа», что они заняли эту вечную и незыблемую позицию, когда они под свежим впечатлением голодовки миллионов народа, к которой правительство отнеслось сначала с торгашеской прижимистостью, а потом

---

¹ См. сказку «Либерал». Ред.

с торгашескою же трусостью, — говорят печатно, что правительство спасло народ от окончательного разорения ! !

Соч., т. I, стр. 162 («Что такое «друзья народа?»», 1894).

Характеризуя отечественную бюрократию, «которая de facto и правит государством российским», Ленин пишет:

Это — иудушка, который пользуется своими крепостническими симпатиями и связями для надувания рабочих и крестьян, проводя под видом «охраны экономически слабого» и «опеки» над ним в защиту от кулака и ростовщика такие мероприятия, которые низводят трудящихся в положение «подлой черни», отдавая их головой крепостнику-помещику и делая тем более беззащитными против буржуазии. Это — опаснейший лицемер, который умудрен опытом западноевропейских мастеров реакции и искусно прячет свои аракчеевские вождедения под фиговые листочки народолюбивых фраз.

Там же (примечание), стр. 186.

Анализируя экономику помещичьего хозяйства в северной и центральной России, Ленин, в подкрепление своего положения, в примечании ссылаясь на Салтыкова-Щедрина, пишет:

Вот два отзыва о жизненном уровне и условиях жизни русского крестьянина вообще. М. Е. Салтыков в «Мелочах жизни» пишет о «Хозяйственном мужичке»... «Мужичку все нужно;

но главное всего нужна... способность изнуряться, не жалеть личного труда... Хозяйственный мужичок просто-на-просто мрет на ней» (на работе). «И жена и взрослые дети, все мучатся хуже каторги».

Соч., т. III, стр. 207 («Развитие капитализма в России», гл. IV — «Рост торгового земледелия», 1899).

Печать теперь взнуздана до-нельзя, голоса частных устроителей столовых замолкли вместе с «запрещением» их деятельности, и для осведомления оторопевшей от новых строгостей российской публики служат только казенно-полицейские пометки о благополучном ходе продовольственной кампании, да статейки в том же духе в «Московских Ведомостях», да передаваемые кое-когда разговоры досужего репортера с тем или иным помпадуром, переважно излагающим «мысли о градоначальническом единомыслии, а также о градоначальническом единовластии и о прочем».¹

Соч., т. IV, стр. 300—301 («Внутреннее обозрение» («Голод»), 1901).

Официальные заявления русского правительства, когда в них кроме голых предписаний есть хоть какие-нибудь попытки объяснить эти предписания, заключают в себе почти всегда —

¹ См. «Историю одного города». Ред.

это своего рода закон, гораздо более устойчивый, чем большинство наших законов, — два основных мотива или два основных типа мотивов. С одной стороны, вы встретите непременно несколько общих фраз, в напыщенной форме являющихся о попечительности начальства, его желании считаться с требованиями времени и пожеланиями общественного мнения. Например, говорится о «важном деле предотвращения в среде сельского населения продовольственной нужды», о «нравственной ответственности за благосостояние местного населения» и т. п. Само собою разумеется, что эти общие места ничего, в сущности, не означают и ни к чему положительному не обязывают; зато они похожи как две капли воды на бессмертные речи бессмертного Иудушки Головлева, отчитывавшего обираемых им крестьян.

Соч., т. IV, стр. 297 («Внутреннее обозрение» («Голод»), 1901).

О правительственном сообщении 3 июля (20 июня), подтверждающем неприкосновенность собственности помещиков:

Это — настоящее объявление войны революции. Это — настоящий манифест реакционного самодержавия к народу: не потерплю! сокрушу!¹

Теперь кадеты и всецело полоненные ими на этот раз трудовики собрались отвечать на вызов правительства. Сегодня опубликованы

---

¹ См. «За рубежом», гл. IV. *Ред.*

проект кадетский и проект трудовиков. Какое несчастное, поистине жалкое впечатление производят оба эти проекта!

Реакционная камарилья не стесняется рвать закон и объявлять *формальную частичку* правительства за реальное *целое* правительства. Кадеты и трудовики, как щедринские премудрые пискари, прячутся под лопухи закона: ¹ нас бьют беззаконием, хныкают эти, извините за выражение, «народные» представители, а мы защищаемся законом!

Соч., т. IX, стр. 405 («Смелый натиск и робкая защита», 1906).

Трудовики не могут отрицать, что правые партии сильно скомпрометированы, что союз 17 октября терпит поражения, одно позорнее другого, что «в последнее время октябристы совсем притихли, ошеломленные тяжелыми ударами слева», что «общество полевело».

Но. . . Щедрин давно уже переводит на общепонятный язык это либеральное российское «но» — не растут уши выше лба, не растут!²— но «технические затруднения», «не посылают литературы», «не дают бюллетеней», «полицейские стеснения». . .

Вот она, психология российского интелли-

¹ См. «Историю одного города». *Ред.*

² См. сказку «Премудрый пескарь». *Ред.*

гента: на словах он храбрый радикал, на деле он подленький чиновник.

Соч., т. X, стр. 278 («Улынулись суд алупца», 1907).

Вместо того, чтобы учить народ правильному понятию конституции, — вы, демократы, сводите в своих писаниях конституцию к севрюжине с хреном¹. Ибо не подлежит сомнению, что для контр-революционного помещика конституция есть именно севрюжина с хреном, есть вид наибольшего усовершенствования приемов ограбления и подчинения мужика и всей народной массы.

Соч., т. XII, стр. 8 («Памяти графа Гейдена», 1907).

Иудушка Троцкий распинался на пленуме против ликвидаторства и отзовизма. Клялся и божился, что он партиен. . .

Иудушка удалил из «Правды» представителя ЦК и стал писать в «Vorwärts» ликвидаторские статьи. . .

И сей Иудушка бьет себя в грудь и кричит о своей партийности, уверяя, что он отнюдь перед впередовцами и ликвидатарями не пресмыкался.

Такова краска стыда у Иудушки Троцкого.

Ленинский сб., т. XXI, стр. 202 («О краске стыда у Иудушки Троцкого», 1911).

---

¹ См. «Культурные люди», гл. I «Дневник провинциала; в Петербурге», гл. V. Ред.

Неужели рабочая газета может существовать, если она будет с таким пренебрежением относиться к тому, что интересует рабочих? . . Газета ведь не такая вещь, что читатель почитывает—писатель пописывает. ¹ Газета должна сама искать, сама во-время находить и своевременно помещать известный материал.

Соч., т. XXIX, стр. 78 (Редакции газеты «Правда», 1912).

Игнорируя различие демократии и либерализма, г. Милюков с необыкновенной подробностью, детальностью, со вкусом, можно сказать, рассматривает передвижения внутри помещиков: правые, умеренно-правые, националисты вообще, националисты независимые, правые октябристы, октябристы просто, октябристы левые. Ни малейшего серьезного значения эти деления и передвижки в этих пределах не имеют: связаны они, самое большое, с заменой какого-нибудь Твердоонто ² каким-нибудь Угрюм-Бурчеевым ³ в администрации, с переменой лиц, с победой кружков или котерий. Все сколько-нибудь существенное в политической линии тут совершенно одинаково.

Соч., т. XV, стр. 407 («Политические партии за 5 лет Третьей Думы», 1912).

---

¹ См. «Мелочи жизни», «Читатель»; «Пестрые письма», гл. I. *Ред.*

² См. «За рубежом» гл. III. *Ред.*

³ См. «Историю одного города». *Ред.*

...Рабочие сумели дать почувствовать наиболее ретивым из царских опричников, что борьба идет не на шутку, что перед полицией не горстка игрушечного, славянофильского, дела людишек,¹ что встали действительно массы трудящегося класса столицы.

Соч., т. XVI, стр. 485 («Маявка революционного пролетариата», 1913).

Величайший вред приносят рабочим те люди, которые (подобно ликвидаторам и Троцкому) обходят или искажают эту 20-тилетнюю историю идейной борьбы в рабочем движении.

Не может быть сознательным рабочим тот, кто относится, как Иван Непомнящий,² к истории своего движения.

Соч., т. XVII, стр. 354 («Идейная борьба в рабочем движении», 1914).

Буржуазные и помещичьи республиканцы, ставшие республиканцами после того, как они убедились в невозможности *иначе* командовать над народом, стараются учредить республику возможно более монархическую: нечто вроде французской, которую Щедрин называл республикой без республиканцев.³

Соч., т. XX, стр. 203 («О пролетарской милиции», 1917).

¹ См. сказку «Игрушечного дела людишки». *Ред.*

² См. «Мелочи жизни»; «Письма к тетеньке» (Письмо 12-е); «Пестрые письма», гл. XI; «За рубежом», гл. VI. *Ред.*

³ См. «За рубежом», гл. IV. *Ред.*

Опираясь на то, как применял Маркс материалистически понятую диалектику Гегеля, мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон, печатать в журнале отрывки из главных сочинений Гегеля, истолковывать их материалистически, комментируя образцами применения диалектики у Маркса, а также теми образцами диалектики в области отношений экономических, политических, каковых образцов новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция, дают необыкновенно много. . . Без того, чтобы такую задачу себе поставить и систематически ее выполнять, материализм не может быть воинствующим материализмом. Он останется, употребляя щедринское выражение, не столько сражающимся, сколько сражаемым. ¹

*Соч., т. XXVII, стр. 187—188
(«О значении воинствующего материализма», 1922).*

III. ЩЕДРИНСКИЕ ОБРАЗЫ И ЦИТАТЫ У СТАЛИНА

Что значит руководить производством? У нас не всегда смотрят по-большевистски на вопрос о руководстве предприятиями. У нас нередко думают, что руководить — это значит подписывать бумаги. Это печально, но это факт. Иногда

---

¹ См. «Историю одного города». Ред.

невольно вспоминаешь помпадуров Щедрина. Помните, как помпадурша поучала молодого помпадура: не ломай голову над наукой, не вникай в дело, пусть другие занимаются этим, не твое это дело, — твое дело руководить, подписывать бумаги.¹ Надо признать, к стыду нашему, что и среди нас, большевиков, есть не мало таких, которые руководят путем подписывания бумаг. А вот, чтобы вникать в дело, овладеть техникой, стать хозяином дела, — на этот счет — ни-ни!

*Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 443
(О задачах хозяйственников. Речь на
первой Всесоюзной конференции работ-
ников социалистической промышлен-
ности 4 февраля 1931 г.).*

Существуют некоторые околопартийные обыватели, которые уверяют, что наша производственная программа переальна, невыполнима. Это нечто вроде «премудрых пескарей» Щедрина, которые всегда готовы распространять вокруг себя «пустоту недомыслия».²

*Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 465
(Новая обстановка — новые задачи хо-
зяйственного строительства. Речь на
совещании хозяйственников 23 июня
1931 г.).*

В одном из своих сказок-рассказов великий русский писатель Щедрин дает тип бюрократа-

¹ См. черновики «Господ Ташкентцев» — «Звезда», 1926. № 1, стр. 197.

² См. сказку «Премудрый пескарь». Ред.

самодура, очень ограниченного и тупого, но до крайности самоуверенного и ретивого. После того как этот бюрократ навел во «вверенной» ему области «порядок и тишину», истребив тысячи жителей и спалив десятки городов, он оглянулся кругом и заметил на горизонте Америку, страну, конечно, малоизвестную, где имеются, оказывается, какие-то свободы, смущающие народ, и где государством управляют иными методами. Бюрократ заметил Америку и возмущился: что это за страна, откуда она взялась, на каком таком основании она существует? (*Общий смех, аплодисменты.*) Конечно, ее случайно открыли несколько веков тому назад, но разве нельзя ее снова закрыть, чтоб духу ее не было вовсе? (*Общий смех.*) И сказав это, положил резолюцию: «Закрывать снова Америку!» (*Общий смех.*)

Мне кажется, что господа из «Дейтше Дипломатиш-Политише Корреспонденц» как две капли воды похожи на щедринского бюрократа. (*Общий смех, одобрительные аплодисменты.*) Этим господам СССР давно уже намозолил глаза. Девятнадцать лет стоит СССР как маяк, заражая духом освобождения рабочий класс всего мира и вызывая бешенство у врагов рабочего класса. И он, этот СССР, оказывается, не только просто существует, но даже растет, и не только растет, но даже преуспевает, и не

только преуспеваает, но даже сочиняет проект новой Конституции, проект, возбуждающий умы, вселяющий новые надежды угнетенным классам. (*Аплодисменты.*) Как же после этого не возмущаться господам из германского официоза? Что это за страна, вопят они, на каком таком основании она существует (*общий смех*), и если ее открыли в октябре 1917 года, то почему нельзя ее снова закрыть, чтоб духу ее не было вовсе? И сказав это, постановили: закрыть снова СССР, объявить во всеуслышание, что СССР, как государство, не существует, что СССР есть не что иное, как простое географическое понятие! (*Общий смех.*)

Кладя резолюцию о том, чтобы закрыть снова Америку, щедринский бюрократ, несмотря на всю свою тупость, все же нашел в себе элементы понимания реального, сказав тут же про себя: «Но, кажется, сие от меня не зависит». (*Взрыв веселого смеха, бурные аплодисменты.*) Я не знаю, хватит ли ума у господ из германского официоза догадаться, что «закрыть» на бумаге то или иное государство они, конечно, могут, но если говорить серьезно, то «сие от них не зависит»...¹ (*Взрыв веселого смеха, бурные аплодисменты.*)

Доклад о проекте Конституции Союза ССР (гл. IV — «Буржуазная критика конституции»), стр. 23—24. Партиздат ЦК ВКП (б), 1937.

¹ См. «Современную идиллию», гл. 20 («Сказка о ретивом начальнике»). Ред.

Вас. Гиппиус

«ЗАКРЫТИЕ АМЕРИКИ»

ЩЕДРИНСКИЙ ОБРАЗ В ДОКЛАДЕ ТОВА. СТАЛИНА

Исторический доклад товарища Сталина на Чрезвычайном VIII Съезде Советов о проекте Конституции — первой в истории человечества Конституции победившего социализма — с глубочайшим волнением и со всем напряжением внимания слушали и делегаты съезда и миллионы трудящихся за стенами съезда. Сдержанное волнение слушателей не раз разрешалось взрывом аплодисментов, но в двух местах доклада с аплодисментами соединился единопдушный смех над бессильной злобой врага. Вся тупость явных «возражений» и тайных надежд фашистов была И. В. Сталиным с блестящим остроумием разоблачена сравнением с щедринским «ретивым начальником».

Салтыков-Щедрин, непримиримый враг всего исторически-косного и реакционного, где бы оно ни проявлялось — в России или на Западе, умер полвека тому назад, не зная имени фашизма. Но он превосходно знал его сущность

под многими другими именами. Щедрина не раз пытались ограничить, обезвредить, прикрепляя его к уже отжившей эпохе, низводя его историко-литературную роль до роли злободневного фельетониста. Но теперь пора и близоруким увидеть правду. Увидеть ее помог товарищ Сталин, наглядно показав, что Щедрин — наш ближайший союзник и соратник, наш современник.

Пример, приведенный И. В. Сталиным, принадлежит к числу замечательных сатирических достижений Щедрина. Вместе с тем известен он далеко не всем, даже из числа внимательных читателей Щедрина: в дореволюционных «полных» собраниях сочинений эпизода о «закрытии Америки» нет. В дни, когда к щедринскому бюрократу-самодуру привлечено внимание всей нашей страны, важно и поучительно напомнить историю этого образа.

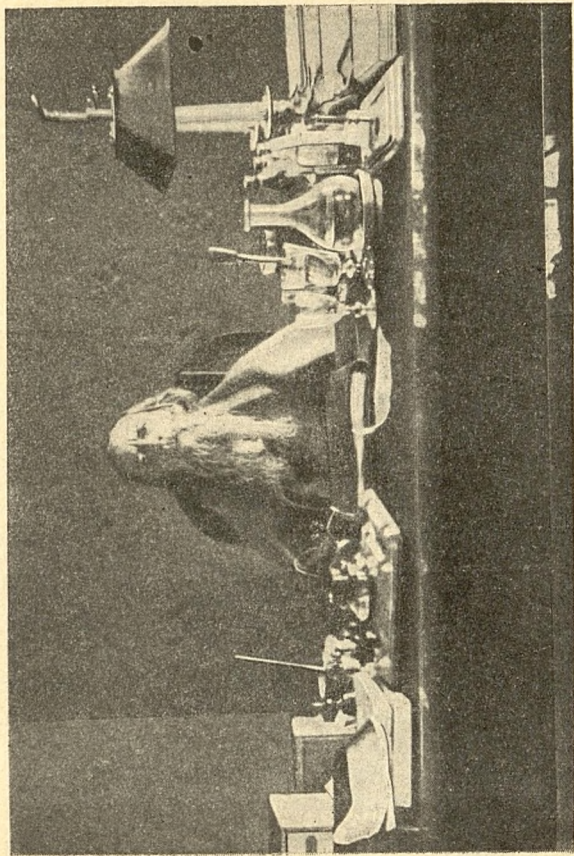
В 1882—1883 гг. Салтыков-Щедрин заканчивал «Современную идиллию» — злую и горькую сатиру на российскую правительственную и общественную, вернее обывательскую, реакцию. В двадцатой главе цикла изображен импровизированный литературный вечер, во время которого один из героев рассказывает «сказку о ретивом начальнике, как он своим усердием вышнее начальство огорчил». «Сказка» и при жизни Щедрина и после его смерти печаталась в урезанном, отчасти даже обесмысленном виде:

предвидя цензурные осложнения, Щедрин исключил из текста наиболее острые места (в том числе и проект «закрытия Америки»), но не заметил, что следы исключенных мест остались. Независимо от цензурных соображений, Щедрин работал над «Сказкой» с исключительной тщательностью. Сказка перерабатывалась шесть раз. В процессе работы уточнялась сатирическая мысль и доводилась до совершенства вся словесная ткань сказки. Самое заглавие менялось пять раз, пока не удовлетворило взыскательного художника.

В первой редакции сказка называлась просто — «Сказка о вредном начальнике». Во второй редакции — сказка без заглавия. В третьей: «Сказка о вредном начальнике, как он вредными своими действиями в изумление был приведен». В четвертой: «Сказка о ретивом начальнике, как он сам своими действиями в изумление был приведен». В пятой: «Сказка о ретивом начальнике, как он своими поступками сам себя удивил». И наконец — в шестой и последней, печатной редакции: «Сказка о ретивом начальнике, как он своим усердием вышнее начальство огорчил».

В работе над сказкой Щедрин сначала стремился все к большему усилению сатирической остроты, но с пятой редакции начинается приспособление сказки к цензуре. Наиболее

М. Е. Салтыков-Щедрин
Фотографин 1886 Г.)

острыми местами — в том числе и тем, которое процитировал товарищ Сталин — пришлось пожертвовать.

«Ретивый начальник» — замечательное обобщение бюрократизма и абсолютизма. Ретивый начальник совершенно откровенно добивается «настоящего вреда», так как «промежду начальников такое правило было: стараться как можно больше вреда делать, а уж из сего само собой впоследствии польза произойдет».

«Программа» ретивого начальника — упразднить науки, палить города, а в итоге превращать «остепенившийся» вверенный край в «каторгу» — поразительным образом предсказывает современный фашизм с его концлагерями, а слова о «спаленных городах» в дни героической обороны Мадрида звучали особенно метко своей жестокой реальностью. За изложением «программы» следует рассказ о «действиях», рассказ, воспринимаемый нами теперь как история Третьей империи, чуть ли не до деталей:

«Вредит год, вредит другой. Народное довольствие прекратил, народное здравие упразднил, письма сжег и пепел по ветру развеял. На третий год стал себя проверять — что за чудо! — надо бы, по-настоящему, вверенному краю уж процвести, а он даже остепеняться не начал. . .»

Причинить настоящий «вред» щедринскому начальнику мешает «рассуждение»: «какой же

ты, братец, осел!» На его счастье некая колдунья, сыскав в голове его дырку, открыла клапанчик и выпустила «рассуждение». Оказалось, впрочем, что «настоящего вреда» и без рассуждения тоже сделать нельзя. . .

Здесь помогли делу «мерзавцы». Под этим названием Щедрин вывел на сцену членов «Священной дружины»: так называлась шпионская и террористическая организация, созданная вскоре после первого марта 1881 года под покровительством великих князей и министров для борьбы с революционным движением. Щедрин начал борьбу с «Священной дружиной» в цикле «Письма к тетеньке» и, наконец, разоблачил представителей «благонамеренного междуусобья» до конца в «Сказке о ретивом начальнике».

«Мерзавцы» и подсказали ретивому начальнику ту самую мысль о «закрытии Америки», которая через полстолетия так удивительно точно совпала с надеждами гитлеровской прессы на «закрытие» нашей великой страны. Щедринский образ был нарочитым шаржем, и тем не менее документальная цитата из германского официоза, приведенная тов. Сталиным, прямо просится в щедринскую сатиру. Но и этого мало. Щедринский бюрократ, как напомнил И. В. Сталин, все же поколебался закрыть Америку. «Но, кажется, сие от меня не зависит», — сказал он тут же про себя. Товарищ Сталин с предельной чет-

костью закончил эту параллель: «Я не знаю, хватит ли ума у господ из германского официоза догадаться, что «закрыть» на бумаге то или иное государство они, конечно, могут, но если говорить серьезно, то «сие от них не зависит».

В сказке Щедрина «мерзавцы» продолжают допекать начальника своей «программой». Эта «программа» (впервые опубликованная мной в 1929 году и не вошедшая еще ни в одно из изданий «Современной идиллии») сводится к нехитрому тезису, варьируемому на все лады: «чтобы нам, мерзавцам, жить было повадно, а прочим всем чтоб ни дна ни покрышки не было». Разве не звучит это горькой злободневностью для некоторых государств современной Европы?

Щедринская сказка заканчивается посрамлением «ретивого начальника». «Вышний» начальник разъяснил ему, что старое правило — «сначала вред, потом польза» — теперь уже оставлено. Показной либерализм «вышнего начальника» Щедриным тут же достаточно едко изобличен. Что же касается самой формулы «сначала вред, потом польза», то сравнительно скоро, в столыпинское время, она воскресла чуть ли не в тех же словах, но уже всерьез: «сначала успокоение, потом реформы».

Современный фашизм отказывается даже от декорума либерализма и цинично возвращается к теории и практике щедринских «ретивых на-

чальников». Самые смелые литературные гротески повторяются в подлинной исторической жизни. Эту возможность предвидел и сам Щедрин. В рассказе «Помпадур борьбы или проказы будущего» он высказывает мысль, что «небывальщина гораздо чаще встречается в жизни, чем в литературе», что в реальной действительности «всегда останется нечто, перед чем отступит самая смелая способность к искажениям».

Как же относиться к теориям человеконенавистничества и мракобесия, абсурдным чуть ли не до фантастики? Щедрин дал ответ и на это в письме 1883 года к Пышину: «Не могу я, — писал он, — к таким явлениям относиться с «надлежащей серьезностью», ибо ничего, кроме презрения к ним, чувствовать нельзя».

ПИСАТЕЛИ О САЛТЫКОВЕ-ЩЕДРИНЕ

Составил Н. Мордовченко

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

В каждом порядочном человеке русской земли Щедрин имеет глубокого почитателя. Честно имя его между лучшими, и полезнейшими, и даровитейшими детьми нашей родины. Он найдет себе многих панегиристов, и всех панегириков достоин он. Как бы ни были высоки те похвалы его таланту и знанию, его честности и проницательности, которыми поспешат прославлять его наши собратия по журналистике, мы вперед говорим, что все эти похвалы не будут превышать достоинств книги, им написанной.

Полн. собр. соч., СПб., 1906, т. III, стр. 233 (из статьи о «Губернских очерках», 1857 г.).

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ

Всё отрицание Щедрина относится к ничтожному меньшинству нашего народа, которое будет все ничтожнее с распространением народной образованности. А упреки, делаемые Щедрину, раздаются только в отдаленных, едва заметных

кружках этого меньшинства. В массе же народа имя Щедрина, когда оно делается там известным, будет всегда произносимо с уважением и благодарностью: он любит этот народ, он видит много добрых, благородных, хотя и не развитых или неверно направленных инстинктов в этих смиренных, простодушных тружениках.

*Полн. собр. соч., 1934, т. I, стр. 200
(из статьи о «Губернских очерках»,
1857 г.).*

Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Как хороши «Губернские очерки». Я благоговейю перед Салтыковым. О Гоголь, наш бессмертный Гоголь! Какою радостью возрадовалася бы благородная душа твоя, увидя вокруг себя таких гениальных учеников своих. Други мои, искренние мои! Пишите, подайте голос за эту бедную, грязную, опаскуженную чернь! За этого поруганного бессловесного смерда!

Из дневника, 5 сентября 1857 г.

Н. А. НЕКРАСОВ

Нечего Вам говорить, как уничтожает меня мысль о возможности его смерти теперь, именно: у-ни-что-жа-ет. С доброй лошадыю и надорванная прибавляет бегу. Так было со мной в последние годы. Журнальное дело у нас всегда было трудно, а теперь оно жестоко; Салтыков нес его

не только мужественно, но и доблестно, и мы тянулись за ним как могли. Не говорю уже о том, что я хорошо его узнал и привязался к нему.

Из письма к П. В. Анненкову от 27 апреля 1876 г. Собр. соч., 1930, т. 7, стр. 555.

И. С. ТУРГЕНЕВ

Эта книга [«История одного города»] в своем роде драгоценный исторический материал, который ни одним нашим будущим бытописателем обойденным быть не должен. Под своей резко-сатирической, иногда фантастической формой, своим злобным юмором напоминающей лучшие страницы Свифта, «История одного города» представляет самое правдивое воспроизведение одной из коренных сторон российской физиономии.

Из письма к Салтыкову-Щедрину от 30 ноября 1870 г. Первое собрание писем, СПб., 1884, стр. 184—185.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

У вас есть всё, что нужно, — сжатый, сильный, настоящий язык, характерность, оставшаяся у вас одних, не юмор, а то, что производит веселый смех, и по содержанию — любовь и потому знание истинных интересов жизни народа.

Из письма к Салтыкову-Щедрину от 1—3 декабря 1885 г. «Литературное наследство» № 13—14, стр. 385.

А. П. ЧЕХОВ

Мне жаль Салтыкова. Это была крепкая, сильная голова. Тот сволочной дух, который живет в мелком, измощенничевшемся душевно русском интеллигенте среднего пошиба, потерял в нем своего самого упрямого и назойливого врага. Обличать умеет каждый газетчик, издеваться умеет и Бурениц, но открыто презирать умел один только Салтыков.

Из письма к А. Плещеву от 14 мая 1889 г. «Письма» т. II, стр. 382—383.

А. М. ГОРЬКИЙ

...История русской интеллигенции с 50 до 80-х годов наиболее ярко изображена Щедриным. Это огромный писатель, гораздо более учительный и ценный, чем о нем говорят. Широта его творческого размаха удивительная. Щедрин шел в ногу с жизнью, ни на шаг не отставая от нее, он пристально смотрел в лицо ей и — горько пророчески хохотал надо всеми и всем. Это не смех Гоголя, а нечто гораздо более оглушительно-правдивое, более глубокое и могучее.

...Взять литературного героя, литературный тип прошлого времени и показать его в жизни текущих дней — это любимый прием Щедрина. Его герои в 70—80-х годах — потомки Хлестакова, Молчалина, Митрофана Простакова, заполнившие всю жизнь с особенной силой после

1881 года. ... Значение его сатиры — огромно, как по правдивости ее, так и по тому чувству почти пророческого предвидения тех путей, по коим должно было идти и шло русское общество на протяжении от 60-х годов вплоть до наших дней.

Предвидение это объясняется тем, что Щедрин прекрасно знал психику представителей культурного общества его времени, психика эта слагалась на его глазах, он же был умен, честен, суров и никогда не замалчивал правды, как бы она ни была прискорбна.

В 60-х годах все ликовали, приветствуя нового человека и совершенно забыв, что «новому человеку» негде встать, что он родился в болоте и принужден строить воздушные замки, но здоровый социальный скептицизм не обманул Щедрина, и он еще в то время злейшим образом осмеивал и нигилистов и славянофилов, прекрасно понимая, что стране нужны не они, а прежде всего люди, умеющие работать, и люди искреннего демократизма. В искренность демократических тенденций русского общества Щедрин не верил, как он не верил и в народолюбие, которым иногда рисовались. Он понимал, что раба нельзя любить и что в сущности своей творческое чувство любви к родине, к человеку, не может быть доступно и понятно новорожденному обществу, — не знающему своей родины и при-

выкшему пользоваться человеком как рабом. Щедрин чувствовал, что общество в лице даже лучших своих представителей зовет мужика на политическую барщину, т. е. на борьбу за расширение прав именно либерального общества. Его положение было драматично и страшно мучило этот зоркий, острый ум, не видевший, как, чем и кем разрешится эта пореформенная путаница отношений в стране, совершенно не подготовленной к бою за существование и не имеющей сложившихся, деятельных и поставивших себе определенные цели сил, — его сатира все расширялась и углублялась.

. . . Невозможно понять историю России во второй половине XIX века без помощи Щедрина.

Из неизданного курса лекций по истории русской литературы, читанного в 1909 г. в каприйской партийной школе для рабочих. «Правда», 1936, № 339, от 10 декабря.

РАБОЧИЕ О САЛТЫКОВЕ-ЩЕДРИНЕ

...Смерть Михайла Евграфовича опечалила всех искренне желающих добра и счастья своей родине. В лице его Россия лишилась лучшего, справедливого и энергичного защитника правды и свободы, борца против зла, которое он своим сильным умом и словом разил в самом корне. И мы, рабочие, присоединяемся к общей скорби о великом человеке...

...Сквозь смех и шутливый тон его рассказов мы видели глубокую грусть о том, что правда и совесть изгнаны, а неправда, обман и насилие гордо и нахально подняли голову и все перед ними сторонятся. В его последних задушевных сказках, которые мы любим и понимаем лучше других рассказов, мы видим ясно темные и непонятные доселе стороны окружающей нас жизни. Эти сказки так действуют на душу читателя, что у них даже слезы показываются на глазах, видя горе и обиды беззащитного человека...

...За его любовь к нам и ко всему честному и справедливому мы посылаем ему свое сочувственное прощальное слово, и как человека

с благородной любящей душой, друга угнетенных, борца за свободу, провожаем глубокой грустью. Не услышать нам больше его доброе смелое слово, но дух его всегда будет жить между нами, в его бессмертных рассказах: будет одобрять нас на хорошее общее дело, на борьбу против зла, угнетения и на поиски правды и света. И на могиле великого родного писателя, в венке славы, воздвигнутом потомством, будет и наш цветок, пусть видят и знают, что мы, рабочие, любили и ценили его. . .

Из адреса тифлиских рабочих на имя жены писателя от апреля—мая 1889 г. «Литературное наследство», 1934, № 13—14, стр. 221—222.

САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН О ЛИТЕРАТУРЕ

Составил Б. Бухштаб

Неизменным предметом моей литературной деятельности всегда был протест против произвола, двоедушия, лганья, хищничества, предательства, пустомыслия и т. д. Ройтесь, сколько хотите, во всей массе мною написанного, — ручаюсь, ничего другого не найдете.

*«Письма к тетеньке». Письмо 14-е.
1882, т. XIV, стр. 494.¹*

Общественное значение писателя (а какое же и может быть у него иное значение?) в том именно и заключается, чтобы пролить луч света на всякого рода нравственные и умственные неурядицы, чтоб освежить всякого рода духоты веяньем идеала. Каким путем эта цель может быть достигнута — это зависит от интимных свойств каждого отдельного таланта, но дело в том, что писатель, которого сердце не переболело всеми болями того общества, в котором он действует, едва ли может претендовать в лите-

---

¹ Тома и страницы указываются по «Полному собранию сочинений» Щедрина, изд. Гослитиздата (М.—Л., 1933—1939).

ратуре на значение выше посредственного и очень скоропреходящего.

*«Петербургские театры», II, 1863,
т. V, стр. 163.*

Без ясно сознанной идеи художественное произведение является сбродом случайностей, в котором даже искусно начертанные образы теряют значительную долю своей цены, потому что не существует органической связи, которая объясняла бы их участие в общей экономии художественного произведения.

«Снопы. Стихи и проза Я. П. Полонского», 1871, т. VIII, стр. 424.

Мы утверждаем, что неясность миросозерцания есть недостаток настолько важный, что всю творческую деятельность художника сводит к нулю. В этом нас убеждают примеры таких великих и общепризнанных художников, как Сервантес, Гете, Шиллер, Байрон и др., которые всегда полагали в основу своих произведений действительные стремления и нужды человечества и, сверх того, умели с полной ясностью определить свои отношения к этим стремлениям и нуждам. Если произведения этих писателей имели в свое время громадное воспитательное значение, если это значение и поныне не утратило своей силы, то объяснения этого факта следует искать именно в их тенденциозности,

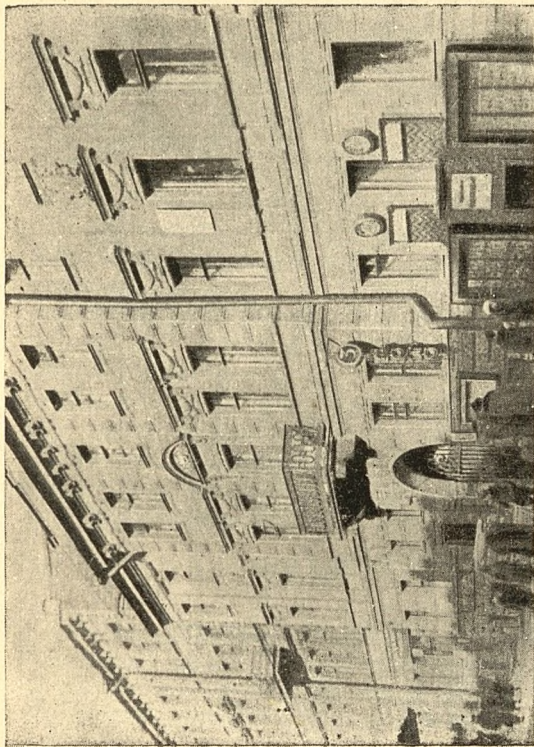
В том, что они беседовали с читателями не о сновидениях, а раскрывали перед ними ту жизненную разрозненность и смуту, под гнетом которых страдало и страдает человечество. «Дон-Кихот», «Чайльд-Гарольд», «Фауст», «Разбойники» — все это произведения в высшей степени тенденциозные, и, стало быть, требуя от литературного деятеля, чтобы он избегал оговорок и с полной ясностью определял свои отношения к вещам мира сего, мы не только не являемся отрицателями здоровых преданий искусства, но, напротив того, не отступаем от них ни на шаг.

Там же, т. VIII, стр. 423.

Олимпийское равнодушие к текущим (или, как обыкновенно говорится, временным) интересам действительности понятно только тогда, когда интересы эти устраиваются сами собою, идут своим чередом, по раз заведенному порядку (так было у нас при крепостном праве); но когда действительность втягивает в себя человека усиленно, когда наступает сознание, что без нашего личного участия никто нашего дела не сделает, да и само собою оно ни под каким видом не устроится, тогда необходимость сознать себя гражданином, необходимость принимать участие в общем течении жизни, а следовательно и иметь определенный взгляд на явления ее, предста-

вляется настолько настоятельно, что едва ли кто-нибудь может уклониться от нее. И чем пристальнее художник вникает в эти текущие интересы, которые он не без презрительной улыбки именовал временными, тем более убеждается, что это суть интересы не менее важные, нежели те, которые он, переносясь в другую сферу, несколько напыщенно называл вечными, и что, в конечном анализе, не может существовать того мелкого человеческого интереса, который бы не был интересом вечным уже по тому одному, что он интерес человеческий.

Эта необходимость относиться к явлениям жизни под тем или иным углом зрения, укрепленная воспитанием и всею совокупностью жизненных условий, нимало не может служить стеснением для творческой деятельности художника, а, напротив того, открывает ей новые горизонты, оплодотворяет ее, дает ей смысл. Художник становится существом не только созерцающим, но и мыслящим, не только страдательно принимает своею грудью лучи жизни, но и резонирует их. Ничто в такой степени не возбуждает умственную деятельность, не заставляет открывать новые стороны предметов и явлений, как сознательные симпатии или антипатии. Без этой подстрекающей силы художественное воспроизведение действительности было бы только бесконечным повторением описания

Дом в Ленинграде на пр. Володарского (б. Литейный),
в котором жила и умер М. Е. Салтыков-Щедрин

одних и тех же признаков. Нам могут, конечно, сказать, что в этих симпатиях и антипатиях именно и находится источник всевозможных преувеличений, — такое возражение, конечно, во многих случаях, не лишено будет правдивости, но в том-то и дело, что от этих преувеличений должно предостеречь писателя то чувство меры, то критическое отношение к жизненному материалу, в которых собственно и заключается мерило истинной силы художника. Как бы то ни было, однако ж, впадет ли художник в преувеличения или остережется от них, это обстоятельство может иметь влияние только на критическую оценку его произведения. В первом случае произведение будет менее совершенно, во втором — более. Но закон, в силу которого писатель-беллетрист не может уклониться от необходимости относиться к действительности под определенным углом зрения, остается непререкаемым, и избежать его имеет право лишь тот, кто в то же время заявляет право и на полное невнимание публики.

*«Уличная философия», 1869, т. VIII,
стр. 118—119.*

Литература провидит законы будущего, воспроизводит образ будущего человека. Утопизм не пугает ее, потому что он может запугать и поставить втупик только улицу. Типы, создан-

ные литературой, всегда идут далее тех, которые имеют ход на рынке, и потому-то именно они и кладут известную печать даже на такое общество, которое, повидимому, всецело находится под гнетом эмпирических тревог и опасений. Под влиянием этих новых типов современный человек, незаметно для самого себя, получает новые привычки, ассимилирует себе новые взгляды, приобретает новую складку, одним словом — постепенно вырабатывает из себя нового человека. Что было бы в том случае, если бы литература, забыв о своих воспитательных задачах, пошла по другому пути. . . хоть, например, по пути бесплодных обращений к прошлому?

*«Итоги», 1871, глава IV, т. VII,
стр. 455.*

Что реализм есть действительно господствующее направление в нашей литературе — это совершенно справедливо. . . Гоголь положительно должен быть признан родоначальником этого нового, реального направления русской литературы; к нему волею-неволею примыкают все позднейшие писатели, какой бы оттенок ни представляли собой их произведения. . . Но дело в том, что мы иногда ошибочно понимаем тот смысл, который заключается в слове «реализм», и охотно соединяем с ним понятие о чем-то вроде грубого, механического списывания с природы, по-

добно тому, как многие с понятием о материализме соединяют понятие о всякого рода физической сытости.

Это однако ж не так. Мы замечаем, что произведения реальной школы нам нравятся, возбуждают в нас участие, трогают нас и потрясают, и это одно уже служит достаточным доказательством, что в них есть нечто большее, нежели простое умение копировать. И действительно, ум человеческий с трудом удовлетворяется одною голою передачей внешних признаков; он останавливается на этих признаках только случайно, и притом лишь на самое короткое время. Везде, даже в самой ничтожной подробности, он допытывается того интимного смысла, той внутренней жизни, которые одни только и могут дать факту действительное значение и силу. Очевидно, что если бы реализм не отвечал этой потребности, то он ни под каким видом не мог бы войти в искусство, как основной и преобладающий его элемент.

И в самом деле, истинный реализм не только не потворствует исключительности и односторонности, но даже положительно враждебен им. Таким образом, имея в виду человека и дела его, он берет его со всеми его определениями, ибо все эти определения равно ре а л ь н ы, то есть равно законны и равно необходимы для объяснения человеческой личности. Обращаться с ними

грубо, выставляя напоказ только те из них, которые сами по себе выдаются наиболее резко, он не имеет права, под опасением впасть в противоречие с самим собою, под опасением оказаться совершенно несостоятельным перед тем делом, которое собственно и составляет его задачу. Точно таким же образом, приступая к воспроизведению какого-либо факта, реализм не имеет права ни обойти молчанием его прошлое, ни отказаться от исследования (быть может, и гадательного, но тем не менее вполне естественного и необходимого) будущих судеб его, ибо это прошедшее и будущее, хотя и закрыты для невооруженного глаза, но тем не менее совершенно настолько же реальны, как и настоящее.

*«Петербургские театры», II, 1863
т. V, стр. 173—174.*

Было время, когда во Франции господствовала беллетристика идейная, героическая. Она зажигала сердца и волновала умы; не было неизвестного уголка в Европе, куда бы она не проникла с своим светочем, всюду распространяя пропаганду идеалов будущего в самой общедоступной форме. Люди сороковых годов и доселе не могут без умиления вспоминать о Жорж-Занде и Викторе Гюго, который, впрочем, вступил на стезю новых идеалов несколько

позднее. Сю, менее талантливый и теперь почти забытый, — и тот читался нарасхват, благодаря тому, что он обращался к тем инстинктам, которые представляют собой лучшее достояние человеческой природы. Даже в Бальзаке, несмотря на его социально-политический индифферентизм, невольно просачивалась тенденциозность, потому что в то тенденциозное время не только люди, но и камни вопияли о героизме и идеалах.

За эту же героическую литературой шла и русская беллетристика сороковых годов. И не только беллетристика, но и критика, воспитательное значение которой едва ли даже в этом смысле не решительнее.

Современному французскому буржуа ни героизм, ни идеалы уже не под силу. Он слишком отяжелел, чтоб не пугаться при одной мысли о личном самоотвержении, и слишком удовлетворен, чтоб нуждаться в расширении горизонтов. . .

Но эта безыдейная сытость не могла не повлиять и на жизнь. Прониклась ею и современная французская литература и, для того, чтоб скрыть свою изменчивость, не без наглости подняла знамя реализма. Слово это небызвестно и у нас, и даже едва ли не раньше, нежели во Франции, по поводу его у нас было преломлено достаточно копий. Но размеры нашего реализма несколько иные, нежели у совре-

менной школы французских реалистов. Мы включаем в эту область все его человека, со всем разнообразием его определений и действительности; французы же главным образом интересуются торсом человека и из всего разнообразия его определений с наибольшим рачением останавливаются на его физической правоспособности и на любовных подвигах. . .

Реалист французского пошиба имеет то свойство, что он никогда не знает, что он сейчас напишет, а знает только, что сколько посидит, столько и напишет. И никто его обуздать не может; ни обуздать, ни усостыжить, потому что он на все усостыжения ответит: я не идеолог, а реалист; я описываю только то, что в жизни бывает. Вижу забор — говорю: забор; вижу поясицу — говорю: поясица.

*«За рубежом», т. IV, 1880, т. XIV,
стр. 199—200 и 205.*

Возненавидел и Зола и Гонкуров. . . Диккенс, Рабле и проч. нас прямо ставят лицом к лицу с живыми образами, а эти. . . нас психологией потчуют. Трудолюбивы, должно быть, анафемски. Не едят, не пьют—все пишут и зачеркивают, и нанизывают без конца. Это не романисты, а пакостники. . . Психология — вещь произвольная: тут, как ни нанизывай, — или недонижешь, или перенижешь.

И выйдет рыло косое, подрезанное, не человек, а компрачикос.

Письмо к П. В. Анненкову от 2 декабря 1875 г., т. XVIII, стр. 324.

Я знаю: прочитав мой рассказ, читатель упрекнет меня в преувеличении. . .

Очевидно, что читатель ставит на первый план форму рассказа, а не сущность его, что он называет преувеличением то, что в сущности есть только иносказание, что, наконец, гоняясь за действительностью обыденною, осязаемою, он теряет из вида другую, столь же реальную действительность, которая, хотя и редко выбивается наружу, но имеет не меньше прав на признание, как и самая грубая, бьющая в глаза конкретность.

Литературному исследованию подлежат не только поступки, которые человек беспрепятственно совершает, но и те, которые он несомненно совершил бы, если б умел или смел. И не те одни речи, которые человек говорит, но и те, которые он не выговаривает, но думает. Развяжите человеку руки, дайте ему свободу высказать в с ю свою мысль — и перед вами уже встанет не совсем тот человек, которого вы знали в обыденной жизни, а несколько иной, в котором отсутствие стеснений, налагаемых лицемерием и другими жизненными условно-

стями, с необычайною яркостью вызовет наружу свойства, остававшиеся дотоле незамеченными, и, напротив, отбросит на задний план то, что на поверхностный взгляд составляло главное определение человека. Но это будет не преувеличение и не искажение действительности, а только разоблачение той другой действительности, которая любит прятаться за обыденным фактом и доступна лишь очень и очень пристальному наблюдению. Без этого разоблачения невозможно воспроизведение всего человека, невозможен правдивый суд над ним. Необходимо коснуться всех готовностей, которые кроются в нем, и испытать, насколько живуче в нем стремление совершать такие поступки, от которых он, в обыденной жизни, поневоле отказывается. Вы скажете: какое нам дело до того, волею или неволею воздерживается известный субъект от известных действий; для нас достаточно и того, что он не совершает их... Но берегитесь! *сегодня* он действительно воздерживается, но завтра обстоятельства поблагодарят его, и он непременно совершит все, что когда-нибудь лелеяла тайная его мысль. И совершит тем с большею беспощадностью, чем больший гнет сдавливал это думанное и лелеянное...

Многое потому только кажется нам преувеличением, что мы без должного внимания отно-

сима к тому, что делается вокруг нас. Действительность слишком примелькалась нам, да и мы сами как-то отвыкли отдавать себе отчет даже в тех наблюдениях, которые мы несомненно делаем. Поэтому, когда литература называет вещи не совсем теми именами, с которыми мы привыкли встречаться в обыденной жизни, нам думается уже, что это небывальщина.

Но на самом деле небывальщина гораздо чаще встречается в действительности, нежели в литературе. Литературе слишком присуще чувство меры и приличия, чтоб она могла взять на себя задачу с точностью воспроизвести карикатуру действительности. Напрасно усиливалась бы она опоплять и исказить действительность — в последней всегда останется нечто, перед чем отступит самая смелая способность к искажениям. Исказители! карикатуристы! — возглашают близорукие люди. Но пускай же они укажут пределы глупого и пошлого, до которых не доходила бы действительность, пусть хоть раз в жизни сумеют понять и оценить то, что на каждом шагу слышит их ухо и видит их взор!

«Помпадур борьбы или Проказы будущего» («Помпадуры и помпадуриши») 1873, т. IX, стр. 203—204.

Я не предполагаю писать роман, хотя происхождения любого из ташкентцев могут представлять

много запутанного, сложного и даже поразительного. Мне кажется, что роман утратил свою прежнюю почву с тех пор, как семейственность и все, что принадлежит к ней, начинает изменять свой характер. Роман (по крайней мере, в том виде, каким он являлся до сих пор) есть по преимуществу произведение семейственности. Драма его зачинается в семействе, не выходит оттуда и там же заканчивается. В положительном смысле (роман английский) или в отрицательном (роман французский), но семейство всегда играет в романе первую роль.

Этот теплый, уютный, хорошо обозначившийся элемент, который давал содержание роману, улетучивается на глазах у всех. Драма начинает требовать других мотивов; она зарождается где-то в пространстве и там кончается. Покуда это пространство не освещено, все в нем будет казаться и холодно, и темно, и бесприютно. Перспектив не видно; драма кажется отданною в жертву случайности. Того пришибло, тот умер с голоду — разве такое разрешение может быть названо разрешением? Конечно, может; и мы не признаем его таковым единственно потому, что оно предлагается нам обрубленное, обнаженное от тех предшествующих звеньев, в которых собственно и заключалась никем не замеченная драма. Но эта драма существовала несомненно и заключала в себе образцы борьбы

гораздо более замечательной, нежели та, которую представлял нам прежний роман. Борьба за неудовлетворенное самолюбие, борьба за оскорбленное и униженное человечество, наконец борьба за существование, — все это такие мотивы, которые имеют полное право на разрешение посредством смерти. Ведь умирал же человек из-за того, что его милая поцеловала своего милого, и никто не находил диким, что эта смерть называлась разрешением драмы. Почему? — а потому именно, что этому разрешению предшествовал самый процесс целования, то есть драма. Тем с большим основанием позволительно думать, что и другие, отнюдь не менее сложные определения человека тоже могут дать содержание для драмы весьма обстоятельной. Если ими до сих пор пользуются недостаточно и неуверенно, то это потому только, что арена, на которой происходит борьба их, слишком скудно освещена. Но она есть, она существует, и даже очень настоятельно стучится в двери литературы. В этом случае я могу сослаться на величайшего из русских художников, Гоголя, который давно провидел, что роману предстоит выйти из рамок семейственности.

Роман современного человека разрешается на улице, в публичном месте — везде, только не дома; и притом разрешается самым разнообразным, почти непредвиденным образом. Вы ви-

дите: драма начиналась среди уютной обстановки семейства, а кончилась бог знает где; началась поцелуями двух любящих сердец, а кончилась получением прекрасного места, Сибирью и т. п. Эти резкие перерывы и переходы кажутся нам неожиданными, но между тем в них несомненно есть своя строгая последовательность, только усложнившаяся множеством разного рода мотивов, которые и до сих пор еще ускользают от нашего внимания или неправильно признаются нами не драматическими. Проследить эту неожиданность так, чтоб она перестала быть неожиданностью, — вот, по моему мнению, задача, которая предстоит гениальному писателю, имеющему создать новый роман.

«Что такое ташкентцы?» («Господа ташкентцы»), 1869, т. X, стр. 55—56.

Я . . . могу каждое свое сочинение объяснить, против чего они направлены, и доказать, что они именно направлены против тех проявлений произвола и дикости, которые каждому честному человеку претят. . . Изображая жизнь, находящуюся под игом безумия, я рассчитывал на возбуждение в читателе горького чувства, а отнюдь не веселонравия.

Письмо к А. Н. Пытину от 2 апреля 1871 г., т. XVIII, стр. 234—235.

Крамольников горячо и страстно был предан своей стране и отлично знал как прошедшее, так и настоящее ее. Но это знание повлияло на него совершенно особенным образом: оно было живым источником болей, которые, непрерывно возобновляясь, сделались, наконец, главным содержанием его жизни, дали направление и окраску всей его деятельности. И он не только не старался утишить эти боли, а, напротив, работал над ними и оживлял их в своем сердце. Живость боли и непрерывное ее ощущение служили источником живых образов, при посредстве которых боль передавалась в сознание других.

*«Приключение с Крамольниковым»
(«Сказки»), 1886, т. XVI, стр. 225*

БИБЛИОГРАФИЯ

составил Л. Добровольский

1. Собрания сочинений Салтыкова-Щедрина

Сочинения М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина). СПб., изд. автора, 1889—1890, 9 томов.

Из всех дореволюционных изданий собрания сочинений Щедрина данное издание является наиболее удовлетворительным по тексту. При последующих переизданиях текст неизменно искажался.

Полное собрание сочинений М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина). СПб., изд. наследников автора, 1891—1892, 12 томов.

От предыдущего издание отличается несколько иным распределением материала и включением рассказа «Брусин» (1849). К первому тому издания приложены «Материалы для биографии Салтыкова», составленные К. К. Арсеньевым, и «Хронологический указатель к изданию сочинений М. Е. Салтыкова в 12 томах».

Полное собрание сочинений М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина). 3-е изд., СПб., изд. наследников автора, 1894—1895, 12 томов.

Перепечатано без перемен со второго издания.

Полное собрание сочинений М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина). 4-е изд., СПб., изд. А. Маркса, 1900—1901, 12 томов.

Перепечатано без перемен с третьего издания.

Полное собрание сочинений М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина). 5-е изд., СПб., изд. А. Маркса, 1905—1906 (приложение к журналу «Нива»).

В данном издании заново сделано распределение материала по томам; издание дополнено включением комедии «Смерть Пазухина», сказки «Медведь на воеводстве», «Мала рыбка, а лучше большого таракана» («Вяленая вобла») и «Орел-меценат».

Полное собрание сочинений М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина). 6-е изд., П., Литер.-изд. отдел. Наркомпроса, 1918—1919, 12 томов.

Перепечатано без перемен с пятого издания.

Собрание сочинений М. Е. Салтыкова (Щедрина), М.—Л., Гиз, 1926—1928, 6 томов.

Издание включает в себе 12 главных циклов писателя и охватывает примерно две трети прежних полных собраний его сочинений. Редакция текста Б. М. Эйхенбаума и К. И. Халабаева.

Полное собрание сочинений Н. Щедрина (М. Е. Салтыкова), под редакцией В. Я. Кирпотина, П. И. Лебедева-Полянского, П. И. Лепешинского, Н. Л. Мещерякова, М. М. Эссен. М., Гослитиздат, 1933—1939, 20 томов.

Данное издание (еще не законченное) осуществляется на основе критического изучения всех дошедших до нас рукописей писателя. В издание включены несобранные произведения Салтыкова, впервые объединены критико-публицистические его статьи, письма и пр. Каждый том издания сопровождается вступительной статьей и краткими комментариями.

Статьи: С. *Борщевский*, Борьба Щедрина за тип революционера в литературе (т. VIII — Критика и публицистика 1868—1878 гг.); Д. *Заславский*, Международная буржуазия в сатире Щедрина (т. XIV — За рубежом. Письма к тетеньке); В. *Кирпотин*, Щедрин в 60-х годах (т. IV — Произведения 1857—1865 гг., не вошедшие в прижизненные издания); А. *Лаврецкий*, От «Губернских очерков» к «Сатирам в прозе» (т. III —

Сатиры в прозе. Невинные рассказы); *П. Лепешинский*, Переходный период в творчестве Щедрина (т. II — Губернские очерки). *П. Лепешинский*, Письма Щедрина за период 1839—1876 гг. (т. XVIII); *Н. Меццержков*, Значение «Благонамеренных речей» в литературной деятельности Щедрина (т. XI — Благонамеренные речи. Культурные люди); *Н. Меццержков*, Щедрин и реакция восьмидесятых годов (т. XVI — Сказки. Пестрые письма. Мелочи жизни); *Н. Меццержков*, «Столпы» и «Устой» буржуазного общества (т. XIII — Убежище Монрепо. Круглый год. Рассказы и очерки); *В. Полянский*, Щедрин — революционный демократ (т. X — Господа ташкентцы. Дневник провинциала в Петербурге); *М. Эссен*, Памятник крепостничества (т. XVII — Пошехонская старина); *М. Эссен*, Блестящий закат. (т. XX — Письма 1884—1889 гг.); *М. Эссен*, Мировой тип предателя и лицемера (т. XII — Господа Головлевы) и др. статьи.

Избранные произведения Н. Щедрина (М. Е. Салтыкова). Вступительная статья В. Е. Евгеньева-Максимова. Л., Гослитиздат, 1939, 709 стр.

I. Очерки и сатиры разных лет. II. Сказки. III. История одного города. IV. Господа Головлевы. V. Пошехонская старина.

Избранные произведения Н. Щедрина (М. Е. Салтыкова). В 7 томах. Т. I. Губернские очерки. Гослитиздат, 1939. 387 стр. Вступительная статья А. Лаврецкого.

Письма М. Е. Салтыкова-Щедрина

Салтыков-Щедрин М. Е. Письма (1845—1889), с приложением писем к нему и других материалов. Под редакцией Н. В. Яковлева, при участии Б. Л. Модзалевского. Труды Пушкинского Дома при Российской Академии Наук. Л., Гиз, 1924 (1925), 373 стр.

Салтыков-Щедрин М. Е. Неизданные письма (1844—1889). Редакция Н. В. Яковлева. М.—Л., «Academia», 1932, 436 стр.

Щедрин Н. (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений. Том XVIII. Письма, книга I (1839—1876). Редакция текста и комментарии Н. В. Яковлева. М., Гослитиздат, 1937, 518 стр.; том XIX. Письма, книга II (1877—1883). М., Гослитиздат, 1939 (выходит из печати); том XX. Письма, книга III (1884—1889). М., Гослитиздат, 1937, 504 стр.

Письма к М. Е. Салтыкову-Щедрину

Елисеев Г. З. Письма к М. Е. Салтыкову. М., изд. Всесоюзной библиотеки им. Ленина, 1935, 266 стр.

Письма за 1875—1887 гг.

Тургенев И. С. Первое собрание писем. СПб., 1885.

21 письмо Тургенева к Салтыкову за 1870—1882 гг.

Письма писателей к Салтыкову. «Литературное наследство», кн. 13—14, М., 1934, стр. 345—388.

Публикация 34 писем П. Анненкова, И. Гончарова, А. Жемчужникова, Н. Златовратского, И. Крамского, А. Пыпина, Л. Толстого и др. за 1876—1889 гг.

Письма читателей к Салтыкову. Предисловие Д. Заславского. «Литературное наследство», кн. 13—14, М., 1934, стр. 389—442.

Публикация 49 писем за 1882—1889 гг.

Воспоминания

Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи. М., 1897, стр. 225—290.

3-е изд. — 1898 г., 4-е изд. — 1901 г.

Из воспоминаний о М. Е. Салтыкове (Знакомство с Салтыковым в 1874 г. Биография Салтыкова по рассказам писателя. Пребывание в Висбадене летом 1885 г.). Из переписки Салтыкова (1875—1889 гг. Обзор состояния здоровья Салтыкова по письмам).

Венгерова З. Из записок современницы. «Звезда», Л., 1930, № 9—10, стр. 290—292.

Воспоминания о посещении студенческой делегацией больного Салтыкова (Анна и Александр Ульяковы у Щедрина).

Елисеев Г. З. Воспоминания. В книге: Шестидесятые годы (М. А. Антонович, Воспоминания; Г. З. Елисеев, Воспоминания). Вступит. статьи, комментарии и редакция В. Евгеньева-Максимова и Г. Ф. Тизенгаузена. М.—Л., «Academia», 1933.

Стр. 374—410 — Некрасов и Салтыков в «Отечественных Записках»; стр. 413—505 — Воспоминания Е. П. Елисейевой (Характеристика Салтыкова. Салтыков в «Отечественных Записках»); стр. 468—483 — Из рукописей Г. З. Елисеева. О литературной богеме 60-х годов (стр. 473—474: об этюде Щедрина «Литераторы-обыватели»).

Жуковская Е. И. Записки. Брак по принципу. Знаменская Коммуна. Плещеев. Некрасов. Салтыков-Щедрин. Редакция и предисловие К. Чуковского. Л., Изд-во писателей в Ленинграде, 1930, 256 стр.

Стр. 239—254 — Из воспоминаний о М. Е. Салтыкове.

Засодимский П. В. Из воспоминаний. М., 1908, стр. 310—315.

Глава «Мое знакомство с М. Е. Салтыковым».

К [ривенко] С. Н. Воспоминания о М. Е. Салтыкове. «Исторический Вестник», 1890, кн. XI — стр. 318—342; кн. XII — стр. 603—631.

Салтыков в «Отечественных Записках» и последние годы жизни писателя.

Кузнецов Н. П. Воспоминания о М. Е. Салтыкове-Щедрине (1864—1869 гг.). «Исторический Вестник», 1908, кн. 12, стр. 276—286.

Встречи с Салтыковым в Пензе и Рязани.

Михайловский Н. К. Литературные воспоминания и современная смута, том I. СПб., изд. ред. журнала «Русское Богатство», 1900.

Воспоминания о М. Е. Салтыкове, стр. 53—54, 58—59, 79—80, 85—88, 91—98, 296—297. Перепечатано в Полн. собр. соч., т. VII, СПб., 1909.

Панаева А. (Е. Я. Головачева). Воспоминания (1824—1870). Исправленное издание, под редакцией и с примечаниями К. Чуковского, 4-е изд. Л., «Academia», 1929.

Стр. 476, 494—498: Воспоминания о Салтыкове-лицейсте; встреча с Салтыковым в редакции «Современника» в 60-х годах.

Пантелеев Л. Ф. Из воспоминаний прошлого, кн. II. СПб., 1908, стр. 149—176.

Из воспоминаний о М. Е. Салтыкове в последний период его жизни. Разговор Пантелеева с Чернышевским о Салтыкове.

[Пузыревский И. А.]. К истории ссылки Салтыкова. Сообщ. М. Панченко. «Литературное наследство», кн. 13—14, М., 1934, стр. 481—492.

Публикация воспоминаний И. А. Пузыревского и отрывка из дневника Н. В. Кукольника за 1848 г.

Сементковский Р. Встречи и столкновения (М. Е. Салтыков, П. А. Гайдебуров. А. Ф. Маркс). «Русская Старина», 1912, кн. 4, стр. 47—58, кн. 5, стр. 343—352.

Салтыков в редакции «Отечественных Записок». Отзыв Салтыкова о Сенкевиче и польской литературе. Салтыков о Терпигореве.

Уяковский А. М. Е. Салтыков в посмертных воспоминаниях друга. «Русские Ведомости», 1894, 28 апреля, № 115, стр. 3.

Щеглов И. Б. Суровый добряк (Из воспоминаний о М. Е. Салтыкове-Щедрине). «Новый журнал для всех», СПб., 1910, № 5, стр. 77—84.

Встречи с Салтыковым в 1881 г.

Ясинский Иер. Роман моей жизни. Книга воспоминаний. М. — Л., Гиз, 1926, стр. 159—161, 162—164, 167—171, 182—183, 226—227 и др. См. по указателю имен.

Встречи с Салтыковым. Салтыков как редактор.

Критико-биографическая литература

Арсеньев К. К. Салтыков-Щедрин (Литературно-общественная характеристика). СПб., 1906, 280 стр.

Борщевский С. Новое о Салтыкове-Щедрине. «Новый Мир», М., 1938, кн. 7, стр. 247—268.

О сотрудничестве Салтыкова-Щедрина в органах зарубежной русской печати в 80-х годах.

[Брейтбург С.]. Дооктябрьская правда об искусстве и литературе. Подготовил к печати С. Брейтбург. М., Гослитиздат, 1937.

Перепечатка статей А. Витимского (М. Ольминского) о Салтыкове-Щедрине: стр. 150—152, 342 — Культурные люди и нечистая совесть; стр. 153—156 — Салтыков о крепостном праве; стр. 160—161 — Децентрализация (о «Дневнике провинциала»).

Гинзбург Ф. Русская библиотека Маркса и Энгельса. В книге: Группа «Освобождение Труда». Под редакцией Л. Г. Дейча, сб. 4. М.—Л., Гиз, 1926, стр. 357—388.

Маркс как читатель Салтыкова-Щедрина («Господа ташкентцы», «Убежище Монрепо»). В статье приведены

места из текстов Щедрина, подчеркнутые К. Марксом.

Г и п п и у с В а с. Литературное окружение М. Е. Салтыкова-Щедрина. В сборнике: «Родной язык в школе», кн. 2-я. М., 1927, стр. 66—78.

Г и п п и у с В а с. Люди и куклы в сатире Салтыкова. В книге: Сборник Общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете, вып. II. Пермь, 1927, стр. 27—57.

Г и п п и у с В а с. М. Е. Салтыков-Щедрин и реакция начала 80-х годов (По неизданным материалам). В книге: Сборник Общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете, вып. III. Пермь, 1929, стр. 194—218.

Г и п п и у с В а с. Салтыков—сотрудник «Искры». «Ученые Записки Пермского университета», вып. I. Пермь, 1929, стр. 4—66.

Г и п п и у с В а с. Неосуществленный сатирический цикл Салтыкова-Щедрина. «Дополнительные письма к тетеньке». «Звенья», сб. III—IV, М., 1934, стр. 739—747.

Г и п п и у с В а с. «Закрытие Америки». Щедринский образ в докладе товарища Сталина. «Резец», Л., 1937, № 4, стр. 16. (Перепечатано в наст. изд.).

Г о р ь к и й М. О литературе. Статьи и речи (1928—1935). Гослитиздат, 1935.

О Щедрине — стр. 14, 20, 56, 118, 131, 155, 237, 246, 320, 329, 347, 354.

Г о р ь к и й А. М. О Щедрине (Из неизданного курса лекций по истории русской литературы, читанного в 1909 г. в каприйской партийной школе для рабочих). «Правда» (ЦО), М., 1936, 10 декабря, № 339, стр. 4.

Д е н и с ю к Н. Критическая литература о произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина. Издание А. С. Панафидиной. Вып. первый (1856—1863), М., 1905, 302

стр.; Вып. второй (1864—1875), М., 1905, 327 стр.; Вып. третий (1876—1881), М., 1905, 341 стр.; Вып. четвертый (1882—1888), М., 1905, 352 стр.; Вып. пятый (1889—1899), М., 1905, 398 стр.

Хрестоматия. Перепечатаны статьи из газет и журналов за 1856—1899 гг.

Д е с н и ц к и й В. На литературные темы, кн. II. Л., Гослитиздат, 1936.

Стр. 446—467— Семейная хроника Н. Щедрина «Господа Головлевы»; стр. 468—504 — М. Е. Салтыков-Щедрин в восьмидесятые годы.

Д о б р о л ю б о в Н. А. Полное собрание сочинений, под общей редакцией П. И. Лебедева-Полянского, том I; Литературная критика. Статьи и рецензии 1856—1858 гг. М., Гиз, 1934, стр. 181—202.

Статья о «Губернских очерках» 1857 г.

Е в г е н ь е в - М а к с и м о в В. Е. Очерки по истории социалистической журналистики в России XIX века. Гиз, 1927, 268 стр.

Литературная деятельность Щедрина в «Современнике» и «Отечественных Записках».

Е в г е н ь е в - М а к с и м о в В. Е. В тисках реакции. К столетию рождения М. Е. Салтыкова-Щедрина. М.—Л., Гиз, 1926, 183 стр.

Е в г е н ь е в - М а к с и м о в В. Салтыков-Щедрин и реакционная беллетристика 60-х годов. «Звезда», Л., 1929, кн. XI, стр. 191—209.

Е в г е н ь е в - М а к с и м о в В. Е. К характеристике журнальной деятельности М. Е. Салтыкова-Щедрина. В книге: В. Евгеньев-Максимов и Д. Максимов. Из прошлого русской журналистики. Статьи и материалы. Л., Изд-во писателей в Ленинграде, 1930, стр. 9—82.

Е в г е н ь е в - М а к с и м о в В. «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. Л., Гослитиздат, 1936, 622 стр.

Литературная деятельность Салтыкова-Щедрина в «Современнике».

К и р п о т и н В. Классики. М., Советский писатель, 1938.

Стр. 253—294 — «Губернские очерки»; стр. 295—340 — Салтыков-Щедрин в 60-е годы; стр. 341—352 — «Господа Ташкентцы» Салтыкова-Щедрина; стр. 353—387 — Салтыков-Щедрин в 80-е годы; стр. 388—415 — Письма Салтыкова-Щедрина — редактора «Отечественных Записок».

К и р п о т и н В. Салтыков-Щедрин. «Октябрь», М., 1939, кн. 2, стр. 155—171.

Первые главы критико-биографического очерка.

К и с л и ц ы н а Е. Г. Салтыков-Щедрин и Сен-Симон. Известия Академии наук СССР, отделение общественных наук, 1937, № 4, стр. 831—864.

Стр. 865—872 (Приложения) — Записи чтения М. Е. Салтыкова в 40-х годах. I. Rapports du physique et du moral sabanis, с комментарием Н. В. Яковлева.

К о з ь м и н Б. П. От девятнадцатого февраля к первому марта. Очерки по истории народничества. Изд. Политкаторжан, М., 1933, стр. 39—50.

Литературная деятельность Салтыкова в «Современнике».

К о р о л е н к о В. Г. О Щедрине. В книге: Короленко В. Полное собрание сочинений. Посмертное издание, т. XXXIV. Очерки и статьи литературно-критические. Харьков, Гос. изд-во Украины, 1927, стр. 327—335.

Статья 1889 г.

К р а н и х ф е л ь д В. Михаил Евграфович Салтыков. В изд.: История русской литературы, под редакцией Д. Н. Овсяннико-Куликовского. Изд. «Мир». М., 1910, т. IV, стр. 188—230.

Кривенко С. М. Е. Салтыков, его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк. Изд. 3-е. СПб., 1914, 105 стр.

Лаврецкий А. Щедрин — литературный критик. М., Гослитиздат, 1935, 227 стр.

Луначарский А. В. Классики русской литературы (Избранные статьи). Редакция Н. Ф. Бельчикова. Л., Гослитиздат, 1937, стр. 286—294.

Салтыков-Щедрин (лекция 1926 г.).

Мещеряков, Н. Л. М. Е. Салтыков-Щедрин. М., Гослитиздат, 1939, 128 стр.

Мордовченко Н. И. М. Е. Салтыков-Щедрин — редактор Г. И. Успенского. В сборнике: Глеб Успенский. Материалы и исследования, вып. I. Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1938, стр. 395—427.

Публикация по рукописи очерков Успенского «Из деревенского дневника» (1880) и «На родной ниве» (1880) с редакторской правкой Щедрина.

Ольминский М. Статьи о Щедрине 1906—1929. М.—Л., Гиз, 1930, 193 стр.

Стр. 3—40 — Революционная мысль после отмены крепостного права; стр. 41—58 — Щедрин и Ленин; стр. 59—93 — Н. Щедрин-Салтыков; стр. 94—155 — Социалист утопист в оценке современников; стр. 156—163 — Как не следует комментировать Щедрина; стр. 164—192 — Щедринский словарь.

Ольминский М. С. Щедринский словарь. Под редакцией М. М. Эссен и П. Н. Лепешинского. М. Гослитиздат, 1937, 760 стр.

Предметный и именной указатель к произведениям Щедрина.

Пиксанов Н. К. Сказки Салтыкова. В книге: Н. Пиксанов, О классиках. Сб. статей. Московское т-во писателей, 1933, стр. 179—202, 406—408.

Пыпин А. Н. М. Е. Салтыков. СПб., 1899, 238 стр.

Журнальная деятельность 1863—1884 гг. Библиографические заметки (Список статей Салтыкова в «Современнике» 1863—1864 гг.).

Сакулин П. Н. Русская литература и социализм. 2-е изд., переработанное. М., Гиз, 1924 [1925], стр. 381—406 и др.

1-е изд. — 1922 г.

Общественно-политические взгляды Салтыкова в 40-х годах.

Семевский В. И. М. Е. Салтыков-петрашевец. «Русские Записки», П., 1917, кн. 1, стр. 21—50.

Семевский В. И. Крепостное право и крестьянская реформа в произведениях М. Салтыкова. Изд. Задруга, П., 1917, 112 стр.

1-е изд. — 1905 г.

Соколов Ю. Из фольклорных материалов Щедрина. «Литературное наследство», кн. 13—14, М., 1934, стр. 493—504.

Тургенев И. С. Сочинения, т. XII. Статьи. Речи. Предисловия. Корреспонденции. Письма в редакцию. Л.—М., Гиз, 1933, стр. 169—172, 526.

Рецензия на кн. «История одного города» М. Е. Салтыкова, СПб., 1870. Английский текст и перевод

Цейтлин Александр. Литературные цитаты Ленина. М.—Л., Гиз, 1934, стр. 88—126.

Щедрин в образах и цитатах у Ленина.

Цензурные материалы о Щедрине. Предисловие В. Евгеньева-Максимова. «Литературное наследство», кн. 13—14, М., 1934, стр. 97—170.

Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений. Изд. М. Н. Чернышевского. СПб., 1906.

Том II, стр. 604—609. «Современник» 1856 г.; том III, стр. 201—233 — «Губернские очерки» Щедрина.

Чистякова М. Л. Н. Толстой и Салтыков. «Литературное наследство», кн. 13—14, М., 1934, стр. 509—518.

Эльсберг Я. Мировоззрение и творчество Щедрина. М.—Л., Изд-во Академии Наук СССР, 1936, 275 стр. (Серия научно-популярная).

Яковлев Н. Петрашевцы в изображении Салтыкова. «Звезда», Л., 1929, кн. 8, стр. 209—214.

Яковлев Н. В. и Унковский М. Судьба рукописей Щедрина. «Литературное наследство», кн. 13—14, М., 1934, стр. 583—588.

1. Личный архив Щедрина. 2. Рукописи Щедрина, бывшие у А. Унковского.

Обзоры и библиографические указатели

Добровольский Л. и Лавров В. Материалы к библиографии литературы о М. Е. Салтыкове-Щедрине за 1906—1933 гг. (Библиографический указатель). «Литературное наследство», кн. 13—14, М., 1934, стр. 625—672.

Макарова Е. Семейный архив Салтыковых, Обзор. «Литературное наследство», кн. 13—14, М., 1934, стр. 445—462.

Макашин С. Судьба литературного наследия М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Литературное наследство», кн. III, М., 1932, стр. 281—308.

Обзор изданий и публикаций произведений Щедрина.

Макашин С. Материалы для библиографии переводов сочинений Щедрина на иностранные языки и критической литературы о нем за 1861—1933 гг. Библиографический указатель. «Литературное наследство», кн. 13—14, М., 1934, стр. 673—698.

Стр. 673—678: С. Макашин, Щедрин в иностранной литературе.

Салтыков в изобразительном искусстве. Сообщение Н. Эттингера. «Литературное наследство», кн. 13—14, М., 1934, стр. 555—568.

I. Иконография Салтыкова-Щедрина. II. Салтыков-Щедрин в иллюстрации.

Салтыков в карикатуре. Сообщение Д. Буторина и Вас. Гиппиуса. «Литературное наследство», кн. 13—14, М., 1934, стр. 569—582.

Обзор прижизненных карикатур на Салтыкова и на салтыковские темы. С иллюстрациями.

Шилов А. А. Библиография произведений Салтыкова и отзывов о них. В книге: К. К. Арсеньев. Салтыков-Щедрин. СПб., 1906, стр. 254—280.

Указатель охватывает литературу до 1906 г.

Щедринские архивные фонды в СССР. Предварительное описание рукописей М. Е. Салтыкова-Щедрина и биографических материалов о нем, хранящихся в архивах и собраниях СССР. «Литературное наследство», кн. 13—14, М., 1934, стр. 591—624.

Эфрос Н. А. Отклики печати на смерть Салтыкова. Библиография. «Литературное наследство», кн. 13—14, М., 1934, стр. 247—269.

Рукописное наследие Салтыкова-Щедрина и документы о нем в архивах СССР

Основным хранилищем автографов М. Е. Салтыкова-Щедрина, а также документальных материалов о нем является Архив Института литературы (Пушкинский дом) Академии Наук СССР. Здесь сосредоточена наиболее значительная часть рукописного наследия великого писателя: рукописи и корректурные гранки литературных работ Щедрина, письма его к разным лицам, письма к нему, документы биографического характера, документы из родового архива Салтыковых, дела Вятского губернского правления, дела Вятского гражданского губернатора и другие материалы. Главнейшие фонды Архива Института литературы, в которых сохранились рукописи Щедрина и документы о нем,

следующие: М. М. Стасюлевича, Е. М. Салтыковой (дочери писателя), А. Н. Пыпина, Е. А. Ляцкого, А. Ф. Кони, собр. П. А. Дашкова, И. А. Шляпкина и др.

Щедринские автографы и документы о нем хранятся также в Государственной краснознаменной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (два автографа литературного характера и письма Салтыкова), в Государственном центральном архиве внутренней политики, культуры и быта, в фондах Главного управления по делам печати и Петербургского цензурного комитета (цензурные материалы о Салтыкове).!

В московских архивохранилищах автографы Салтыкова-Щедрина и документы о нем сосредоточены: во Всесоюзной библиотеке им. Ленина (два автографа литературного характера, письма Салтыкова и письма к нему); в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи (письма Салтыкова, дела Пензенской казенной палаты, бумаги предков и ближайших родственников писателя); в Государственном архиве революции и внешней политики (дела III отделения департамента полиции, Московского жандармского управления, отражающие служебную и литературную деятельность Салтыкова, а также зарубежные нелегальные издания сочинений Салтыкова-Щедрина); в Государственном историческом музее (письма Салтыкова и другие материалы о нем); в Государственном центральном литературном музее (письма Салтыкова, корректурные гранки его литературных работ, документы о Салтыкове, письма о нем и другие материалы).

Огромное количество архивных дел, связанных с служебной деятельностью Салтыкова-Щедрина в Твери, Пензе, Рязани, хранится в Московском областном архивном управлении (фонд Тверского губернского правления), Пензенском архивном управлении (фонд Пензенской казенной палаты), Рязанском отделении

Московского архивного управления (фонды Рязанского губернского правления канцелярии рязанского губернатора).

Отдельные автографы Салтыкова-Щедрина и документы о нем хранятся в ряде других архивов и музеев СССР, а также в частных собраниях.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Автобиография Салтыкова-Щедрина	7
Жизнь и деятельность Салтыкова-Щедрина. Хронологическая канва. Составил <i>В. Е. Евгеньев-Максимов</i>	9
Творческий путь Салтыкова-Щедрина. Статья <i>В. В. Гиппиуса</i>	24
Маркс — читатель Салтыкова-Щедрина	78
Салтыков-Щедрин в произведениях Ленина и Сталина. Составил <i>Л. М. Добровольский</i>	79
«Закрытие Америки». Щедринский образ в до- кладе тов. Сталина. Статья <i>В. В. Гиппиуса</i>	94
Писатели о Салтыкове-Щедрине (<i>Н. Г. Черны- шевский, Н. А. Добролюбов, Т. Г. Шевченко, Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, Л. Н. Тол- стой, А. П. Чехов, А. М. Горький</i>). Соста- вил <i>Н. И. Мордовченко</i>	101
Рабочие о Салтыкове-Щедрине.	107
Салтыков-Щедрин о литературе. Составил <i>Б. Я. Бухитаб</i>	109
Библиография. Составил <i>Л. М. Добровольский</i>	126

Ответств. редактор Ю. Тынянов. Техн. редактор А. Курнарская. Корректор С. Шаталов. Художник И. Серов. Лениорглит № 3036. С. П. — 24/Л. Тираж 10 000. Печ. л. 4 $\frac{1}{2}$. У.-а. л. 4,75. Б. л. 2 $\frac{1}{4}$. Тип. знаков в 1 бум. л. 81664. Сдано в набор 19/IV 1939 г. Подписано к печати 13/VI 1939 г. Набрано и отпечатано в 4-й типографии ГОНТИ «Красный Печатник», Ленинград
Международный пр., 75а.
Заказ № 1391.

2 р. Переплет р

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует</i>
35	8 сл	реформы	формы
50	4 св.	«Коропат»	«Коронат»

Салтыков-Щедрин.
Памятка.